

ЭКСМО

А.БАВЕНТИНОВ

ОКО СИЛЫ

Вторая трилогия

Око силы

Андрей Валентинов

Ты, уставший ненавидеть

«Автор»

1997

Валентинов А.

Ты, уставший ненавидеть / А. Валентинов — «Автор»,
1997 — (Око силы)

37-й год, Москва. Тайные и явные правители страны продолжают свой эксперимент. Аресты, «чистки», расправы идут с небывалым прежде размахом. Сотрудников вездесущего НКВД интересует все – и действия таинственной контрреволюционной группы «Вандея», и древние заклинания крохотного народа, укрывшегося от репрессий в уральских лесах. Сумеют ли герои романа противостоять силам Зла, чьи замыслы неведомы никому?

© Валентинов А., 1997

© Автор, 1997

Содержание

Глава 1. Поражающий змия	10
Глава 2. Новое место службы	21
Глава 3. Конвейер	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Валентинов

Ты, уставший ненавидеть

Око Силы. Вторая трилогия

1937–1938 годы

Книга четвертая

Теплым сентябрьским днем на коктебельском пляже, как раз напротив знаменитого дома Волошина, два гражданина принимали солнечные ванны. Накануне шел дождь, и это распугало отдыхающих – почти никто не пришел на берег насладиться прелестями «бархатного» сезона. Лишь неподалеку от пустынного в этот час пирса какие-то дамы играли огромным надувным мячом да несколько чудаков из съехавшихся Коктебель литераторов восседали в шезлонгах, лениво поглядывая на черную глыбу Карадага. Итак, вокруг никого не было, и эти двое могли без всяких помех с удобством расположиться на большой подстилке под лучами крымского солнца. Точнее, на подстилке сидел один – высокий, необыкновенно тощий мужчина лет пятидесяти, совершенный альбинос, скрывавшийся от солнца под большой белой панамой, накинув для верности на плечи махровое полотенце. Второй, среднего роста крепьши, сидел прямо на гальке, подставляя горячим лучам загорелые почти дочерна плечи. Альбинос дымил «Казбеком», его молодой спутник, похоже, напротив, не переносил табачного дыма, стараясь отодвинуться подальше от медленно поднимавшихся в безоблачное небо сизых никотиновых колец.

Они беседовали. Тот, что постарше, говорил быстро, горячо, сосед же его отвечал не торопясь, взвешивая слова и делая перед каждой репликой паузу. Будь рядом кто-либо посторонний, он неизбежно обратил бы внимание некую странность. Крепьши, явный славянин с сильными, немного грубоватыми чертами широкого русского лица, отчего-то отзывался на имя Арвид. Альбинос, говоривший с заметным акцентом, да и по виду весьма напоминавший эстонца или финна, в свою очередь, не возражал, когда собеседник именовал его Василием Ксенофоновичем. Впрочем, это была не единственная странность беседы, которую двое отдыхающих вели в погожий сентябрьский день года от Рождества Христова 1937-го, от начала же Великой Смуты, 20-го.

– ...Вижу, Арвид, вам не нравится Коктебель!

Альбинос подкрепил свое умозаключение мощной затяжкой, на миг окутавшись целым облаком табачного дыма. Тот, кого называли Арвидом, медлил с ответом, лениво подбрасывая на ладони мелкие камешки.

– Уверен, вы предпочитаете Ниццу...

Сделав такой вывод, альбинос отчего-то дернулся, сбросив махровое полотенце на подстилку. Впрочем, он тут же поспешил восстановить порядок, водворив его на розовые, не принимавшие загара плечи.

– Ницца? – крепьши медленно поднял голову и оглядел окрестности так, словно видел их в первый раз. – В Ницце неплохо, Василий Ксенофонович.

Он вновь замолчал, затем неожиданно добавил:

– Но здесь тоже хорошо.

Альбинос вновь дернулся, поддержал спадавшее с плеч полотенце и тщательно загасил окурок.

– А мне показалось, что вам здесь скучно. Вы даже на Карадаг не смотрите.

– Я туда смотрю, – Арвид повел крепким подбородком в сторону противоположного конца бухты, где тянулась цепь невысоких гор, закрывавшая вид на близкую Феодосию. Василий Ксенофонтович поглядел в указанном направлении и пожал плечами, вновь чуть было не лишившись полотенца:

– Ну, я вас не понимаю! По сравнению с Карадагом...

– По-моему, это очевидно, – на этот раз крепьши не замедлил с ответом. – Карадаг, он слишком... лакированный. А там, в этих серых холмах, что-то есть. Тускула...

Странное слово прервало на минуту беззаботный разговор. Альбинос покачал головой и ответил совсем другим тоном – серьезным, даже суровым:

– Да, похоже. Во всяком случае, если верить фотографиям. Только там холмы черные.

– Черные...

Арвид еще раз взглянул на далекие горы, и по его бесстрастному лицу скользнула легкая, еле заметная усмешка. Его собеседник тоже усмехнулся, но уже широко и беззаботно.

– И все-таки вы не правы. Карадаг – не лакированная картинка. Недаром гражданин Волошин не мог без него жить. А у покойного, я вам скажу, было чутье!..

Арвид наконец соизволил бросить беглый взгляд на Черную гору.

– Может быть... Вы с ним, с Волошиным, здесь познакомились?

Василий Ксенофонтович охотно кивнул и вновь улыбнулся, словно это воспоминание доставило ему явное удовольствие.

– Как раз десять лет назад. Я пришел к нему с тетрадкой стихов. Так сказать, к мэтру.

– Сами писали?

Вопрос, явно не очень почтительный, заставил альбиноса возмущенно взмахнуть рукой, но тон, которым он отреагировал, был совсем иным – спокойным и наставительным:

– Естественно, сам... Арвид, дорогой, такие, как Волошин – это вам не одуревшие от ненависти беглые врангелевцы. Поймите, это был интеллект, умница, с такими можно работать только в полную силу! Я писал эти стихи два месяца. Он же должен был мне поверить. Такие мастера чувствуют неискренность за версту!

– Тогда не понимаю, – крепьши чуть дернул щекой и недобро сощурился. – Чтоб Волошин вам поверил, вы должны были оплакивать матушку-Россию и ругать большевиков...

– Да нет же!

Василий Ксенофонтович даже привстал. От волнения акцент в его речи стал более заметен, и даже вновь упавшее с плеч полотенце оставило альбиноса равнодушным:

– Если бы я, дорогой Арвид, написал нечто подобное, он бы понял, что я лгу. Я писал о том, во что верил...

– О мировой коммуне? О Красной Армии?

– Да! Таким, как он, важно не содержание, а искренность, поймите!.. Арвид, там, где вы бываете, вам придется беседовать с такими, как Волошин. Не ошибитесь! Их не провести, это вам не генерал Тургул и не атаман Семенов. Волошину понравились мои стихи, он даже предложил кое-что отправить в какой-то журнал...

– Но это не входило в план операции, – вновь криво усмехнулся крепьши.

– ...Да, это не входило в план операции. Но главное – он мне поверил. А дальше все было достаточно просто.

– Почему же его не взяли?

– Из оперативных соображений, – Василий Ксенофонтович наконец-то вспомнил об упавшем полотенце и заботливо водрузил его на место:

– Сам он был уже не опасен. А вот вокруг него увивались некоторые весьма любопытные личности. Впрочем, проживи Волошин еще годик, ему бы вспомнили кое-что. Хотя бы стихи о крымской чистке.

Усмешка исчезла с лица Арвида, губы сжались в узкую полоску.

– Да, помню... Но ведь он писал правду? Ведь это было?

– Было... – ответ прозвучал глухо, словно отдаленное эхо.

– Говорят, тогда погибло больше сотни тысяч... Или это было нужно революции?

– Это было нужно революции... – вновь отозвалось эхо.

Разговор опять прервался. Арвид по-прежнему смотрел на пологие склоны серых холмов. Василий Ксенофонович курил, то и дело бросая на своего молодого собеседника короткий внимательный взгляд.

– Как вам японцы?

Вопрос прозвучал неожиданно, но крепьши даже не стал отвечать, ограничившись легким движением плеч.

– Но все-таки... – альбинос не отставал и даже подсел поближе. – Какие-нибудь сложности? Неувязки?

– Нет...

– Значит, мы вас готовили правильно, – Василий Ксенофонович оживился и даже потер ладони. – Не зря я вас заставлял писать хокку! Не разучились?

И вновь ответа не последовало. Альбинос хмыкнул:

– Ну-ка, прошу вас, Арвид. Тряхните стариной!..

– На какую тему? – вопрос прозвучал так, словно собеседнику предложили решить математическую задачу.

– О Карадаге, – альбинос вновь усмехнулся и поудобнее откинулся на покрывало.

Арвид неторопливо оглянулся, окинув спокойным взглядом громаду Черной горы, вновь отвернулся. Несколько секунд длилось молчание, наконец крепьши медленно проговорил, почти без всякого выражения, равнодушно:

Старый тигр застыл
Возле недвижной глади...
Очень хочется пить.

Альбинос даже зажмурился, словно услышанное доставило ему неизреченное удовольствие, но затем задумался.

– И все-таки японец никогда не написал бы так прямо – в лоб...

Он помолчал, затем с силой ткнул окурок в гальку:

– За стих – оценка «хорошо», за выдержку – «отлично» с плюсом. Можете задавать вопросы...

– Я?! – в голосе Арвида звучала легкая ирония. Его собеседник понял:

– Все-таки обиделись на руководство! Ладно, сформулирую сам... Почему меня, то есть вас, срывают с задания, когда вы уже на полпути к цели, вызывают в Столицу, три дня там маринуют, а затем, не сказав ни слова, привозят сюда. Так?

– Вроде. И можете добавить – даже не выслушав.

– Даже не выслушав, – альбинос кивнул. – И вам остается либо ждать ареста за неведомые грехи, либо считать, что начальство спятило... Или запаниковало, так?

Крепьши не ответил и даже не повернулся, но было ясно, что его спокойствие – напускное.

– Начальство не спятило, – продолжал альбинос, уже в манере собеседника – неторопливо, делая паузы между фразами. – Но вот по поводу паники... Ну, если не паники, то чего-

то подобного... В Столицу вас вообще нельзя было вызывать. Вы пробыли там три дня – и, увы, вас там увидели те, кто не должен был. Пришлось везти вас сюда, в Коктебель, чтобы спокойно поговорить...

Василий Ксенофонтович вновь улыбнулся:

– Начну издалека. После того, как вы приехали из Японии и получили орден, в Столице случилось одно презабавное происшествие. Изучив ваш отчет, некто, назовем его товарищ Иванов...

При этих словах Арвид резко обернулся. Альбинос с удовлетворением хмыкнул и повторил:

– Да, товарищ Иванов... Так вот, он собрал у себя наших ведущих авиаконструкторов. И, представьте себе, отдал любопытный приказ. Знаете какой?

Крепыш не ответил, но с нескрываемым уже удивлением и даже волнением замер, ожидая продолжения.

– Товарищ Иванов приказал свернуть все, слышите, все работы ведущих КБ! И вместо плановой продукции сосредоточить силы на подготовке самолета нового типа. Догадываетесь, какого?

– «Накадзима»... – ответ прозвучал глухо и как-то хрипло.

– Да, «Накадзима». За документацию, привезенную вами, вы получили свой орден, а вот товарищам авиаконструкторам пришлось ломать головы. Представьте – у Поликарпова на выходе истребитель, у Петлякова – высотный бомбардировщик, а им велят делать нашу советскую «Накадзиму»... Ну вот, а сейчас другой сотрудник вернулся с задания, и пришлось собирать новое совещание. Только на этот раз свои планы придется менять не авиаконструкторам, а вам.

– Но... постойте! – крепыш настолько удивился, что его напускное спокойствие сгнуло без следа:

– Василий Ксенофонтович! Я же привез заключение экспертов. «Накадзима» – слабый самолет! Он может действовать только в условиях чистого неба. Любой нормальный истребитель...

– Я передам ваши соображения командованию.

Несмотря на строгий тон, это была, по всей вероятности, шутка, поскольку оба улыбались.

– Вот-с! Так что теперь ваша очередь.

– Я уже собирался ехать в Абердин.

– Знаю. Очень жаль, но придется отложить. И вот что...

Альбинос быстро оглянулся, словно кто-то незамеченный мог подобраться к ним, а затем заговорил очень быстро, шепотом, причем акцент его стал таким сильным, что распознать некоторые слова было почти невозможно:

– Арвид, дорогой! Вы давно не были дома. Сейчас трудная пора. Эта чистка должна спать страну и армию перед тем, что нам предстоит. Но могут быть эксцессы... Поэтому – будьте осторожны! За ваших родственников не волнуйтесь – они защищены надежно...

– Да, спасибо... – Арвид потер подбородок, нахмурился. – Но... Василий Ксенофонтович! За родственников – спасибо, но у меня здесь есть друзья. Я не хотел бы... Дело в том, что они, как и я... С точки зрения наших коллег, они могут показаться... подозрительными...

Взгляд альбиноса внезапно стал жестким, даже акцент куда-то исчез:

– Товарищ майор! У сотрудника Иностранного отдела НКВД не может быть подозрительных знакомых. Повторите!

– Так точно, товарищ комиссар государственной безопасности, – голос Арвида прозвучал глухо и безнадежно. – У сотрудника нашего отдела не может быть подозрительных знакомых.

– Вот так... – альбинос помолчал, а затем добавил совсем другим тоном:

– Вечером назовете мне фамилии. Если их возьмут, может быть, сумею что-нибудь сделать. Повторяю – может быть...

– Спасибо... – крепьши кивнул и отвернулся.

– А теперь, Арвид, слушайте внимательно!

Альбинос привстал и заговорил резко и четко, тщательно отделяя одну фразу от другой:

– Наши сотрудники в Париже и Харбине получили достоверные сведения, что на территории СССР действует нелегальная террористическая организация под названием «Вандея»...

Глава 1. Поражающий змия

В переулке было безлюдно. Юрий Орловский быстро оглянулся. За ним никто не шел. Ни к чему – преследователи прекрасно знали, что переулок кончался глухим тупиком. Юрий на миг закрыл глаза и прислонился к теплой, прогретой солнцем стене. Сразу стало легче. Страх, смертельный страх, вот уже несколько часов гнавший его бессмысленным долгим маршрутом по улицам Столицы, куда-то отступил.

...Под закрытыми веками плавали оранжевые пятна, прохладный бодрящий сентябрьский воздух обжигал легкие, но на какой-то миг ему стало хорошо и даже уютно. Он жив, он может просто стоять у стены, закрыв глаза, следить, как яркими медузами плавают пятна под веками...

Но страх вернулся. Он стал более осмысленным, четким. То, что еще вчера вечером казалось лишь опасностью, хотя и весьма близкой, теперь подступило вплотную, захлестнуло, вцепилось в горло...

Этим утром Орловский проснулся рано и первым делом решил немедленно позвонить Терапевту. Ближайший телефон-автомат был в двух кварталах. Юрий быстро оделся, хлебнул воды из старого чайника и вышел во двор, где стоял маленький флигелек, вот уже два года служивший ему жильем. Надо было спешить. Орловский машинально, по давней привычке поправил галстук и уже шагнул к воротам, но внезапно вздрогнул и застыл на месте.

Эти двое стояли на улице, у самого выезда из двора. Стояли, лениво привалившись к стене, словно им было не жалко дорогих, совершенно одинаковых костюмов, сидевших на них как-то криво и нелепо. Они не смотрели в его сторону, даже не повернули головы, но Юрий понял все – и тут же накатил страх.

Страх швырнул его назад, в полумрак передней, но здесь он не выдержал и минуты. Представилось, как эти двое неторопливо входят в дверь, первый лениво роется в кармане, чтобы ткнуть ему в лицо бордовую корочку удостоверения... Юрий подождал несколько секунд, сжал зубы и вышел во двор. Те, в одинаковых костюмах, стояли на прежнем месте, не двигаясь, и каким-то краешком сознания Орловский сообразил, что это еще не арест. К нему приставили пару «топтунов». Обычная практика – преследуемый теряется, начинает метаться. День-другой слежки настолько выводит человека из равновесия, что после ареста часто не требуется никакого давления. Жертва охотно рассказывает все сама, чтобы избавиться от кошмара...

Юрий понимал это, но страх оказался сильнее. Правильнее всего было остаться дома, еще раз просмотреть уцелевшие бумаги и, раз уж ничего не удастся избежать, сложить самые необходимые вещи, которые понадобятся там. Но Юрий представил, как он сидит в пустой маленькой комнатушке, а эти двое час за часом маячат у ворот, потом их сменяют другие, такие же одинаковые, в дорогих костюмах... Страх вновь захлестнул, закружил и бросил его прочь, в никуда, по улицам и переулкам Столицы. Скрыться Орловский не пытался, просто шел вперед, то оживленными улицами, то полупустыми переулками, постоянно оглядываясь и заранее зная, кого он увидит сзади.

Да, Юрий опоздал. Вчера поздно вечером он, убедившись, что за ним еще не идут, позвонил из автомата на улице Герцена Терапевту. Тот сообразил все сразу и велел немедленно, не теряя ни секунды, ехать к центральному входу в ЦПКО. Но Юрий подумал о бумагах, которые следовало пересмотреть, и ответил, что перезвонит через пару часов, в крайнем случае – утром. Но он солгал – и себе, и Терапевту. Все, что касалось его книги, было давно уничтожено или передано по назначению. Оставался совершенной безопасный хлам – студенческие конспекты, черновики того, что Юрий писал, работая в Институте Народов Востока и его неза-

конченная старая рукопись. Конечно, и это стоило просмотреть еще раз, а лучше – уничтожить вместе с дюжиной чьих-то писем, все еще хранившихся в маленькой коробке из-под папиросных гильз. Но не в бумагах было дело. Просто этим вечером они договорились встретиться с Никой. Конечно, следовало набрать ее номер, не смущаясь тем, что к телефону могла подойти прислуга или даже муж – и все отменить. Но это значило, что им, скорее всего, больше не придется увидаться, по крайней мере, в этом страшном и бессмысленном мире...

...А потом, после их разговора, сил уже не оставалось ни на что. Юрий уснул мертвым сном, а утром стало ясно, что он опоздал – непоправимо и навсегда.

Орловский оглядел переулок и только сейчас сообразил, куда занесло его бессмысленное блуждание по Столице. Да, там за углом он когда-то жил, а здесь, в самом конце переулочка, находился маленький храм – их семейная церковь. В последний раз он заходил сюда два месяца назад.

Юрий оглянулся. Преследователи не спешили. Да и зачем им спешить?

...Два месяца назад Юрий хотел повидать отца Александра. Весной этого страшного года после очередного выступления Емельяна Ярославского в Столице вновь стали закрывать уцелевшие храмы, и Орловский опасался, что маленькую церковь в переулочке уничтожат в числе первых. Храм уцелел, но отца Александра в нем уже не было. Старого священника, тридцать три года назад крестившего маленького Юрия, арестовали как раз накануне...

Юрий оглянулся еще раз и медленно двинулся вглубь переулочка. В церковь он решил не заходить, но хотелось напоследок просто постоять у входа. Орловский не считал себя верующим, но этот маленький храм оставался тем, что еще связывало его с давно оборвавшейся прежней жизнью. Отец, мама, брат...

Страх отступал, оставаясь позади, на людной улице. Собственно, чего было бояться? Еще после первого ареста весной двадцать седьмого, Юрий понял, что такие, как он, «бывшие», не выживут в отечестве мирового пролетариата. Им не простят отцов и братьев, защищавших Родину на фронтах мировой и гражданской. А четыре года назад, летом 33-го, когда были написаны первые строчки будущей книги, все стало ясно окончательно. Он, Юрий Петрович Орловский – смертник. Помнится, Терапевт, с которым они познакомились как раз накануне, намекнул на это, а Юрий ответил, что все понимает, но не боится.

Конечно, это была неправда. Он боялся, но страх был абстрактным, далеким. А когда книга была наконец написана, и Терапевт сообщил, что рукопись уже за границей, стало и вовсе легко. Он, сделал все, что мог, значит и бояться нечего. По крайней мере, так ему казалось – до сегодняшнего утра...

На ступеньках у входа в храм, где когда-то непременно сидели старушки-нищенки, теперь было пусто. Дверь оказалась приоткрыта. Юрий мельком взглянул на часы – до службы еще далеко. Он перекрестился на икону над входом, помедлил секунду, а затем, неожиданно для самого себя, шагнул на старые потертые ступени.

...В полутьме сиротливо горели лампадки у старых икон, тускло светились золоченые алтарные створки. Юрий привычно шагнул влево, к иконе «Моление о чаше», где он обычно стоял во время службы. Мать говорила, что эту икону подарил храму его прадед. Здесь крестили деда, отца, самого Юрия, тут венчался отец. Восемь лет назад здесь отпевали мать...

Юрий стал возле иконы, запоздало подумав, что надо было купить несколько свечей. Он оглянулся, но за столиком у входа, где обычно сидела одна из старушек, на этот раз было пусто. Орловский решил подождать. Спешить было совершенное некуда.

...Его могли арестовать здесь, прямо в церкви, несколькими минутами раньше в переулочке, ночью, вечером. Его могли взять вчера, сразу же после собрания, где выступил Аверх, и где выступал он сам. Тогда его не тронули, хотя после голосования стало ясно, что на следующий день на работу можно не идти. Но «там» не торопились. В конце концов, Орловский в их

глазах был всего лишь одним из «бывших» – сыном генерала и братом офицера Марковской дивизии. В эти месяцы, когда летели головы членов Политбюро и наркомов, с неосторожным сотрудником Государственного Исторического музея, заступившимся за своих коллег, можно было и не особо спешить. О книге, о его книге, в Большом Доме еще не знали...

Орловский глядел на потемневший лик Христа, знакомый ему с самого детства, и наконец-то, впервые в этот страшный день, почувствовал, что может спокойно рассуждать.

...Ему не уйти, но он не подвел Терапевта, и сделал все, чтобы Ника забыла его навсегда. Это правильно, поскольку она все равно не удержалась бы и пришла – не сейчас, так через несколько дней. Пришла, увидела бы на двери сургучные печати, догадалась, принялась бы его искать... Пусть все случившееся покажется ей нелепой ссорой – или даже припадком болезни. Юрий вспомнил – Ника, уже уходя, твердила одно и то же: «Ты болен, ты болен...» Да, лучше так. Лучше ссора, разрыв – но о ней не должны узнать те, что сторожат у входа в переулок...

Старушка вынырнула откуда-то из темной глубины храма и привычно села за маленький столик у входа. Орловский нащупал в кармане пиджака мелочь. Гривенников и меди хватило ровно на три свечи – тонкие, восковые. Три... Юрий почему-то решил, что это – хорошая примета.

Итак, Ника не будет его искать – по крайней мере в ближайшее время. А там должен помочь Терапевт. Хорошо бы ему позвонить, поговорить напоследок... Орловский подумал, есть ли в церкви телефон, но тут же одернул себя. Нельзя – те, что ждали его, могут предусмотреть и это. Терапевт предупреждал не зря...

...Это было в Нескучном саду, они сидели на старой лавочке у давно заглохшего фонтана и договаривались о том, когда и как Терапевт передаст ему первую папку с материалами. Тогда Юрий впервые услышал о человеке, которого позже его друг стал называть Флавием. Тот обещал передать ему сведения об операции «Юго-Восток» – депортации корейцев в Среднюю Азию... Пора было расходиться, но Терапевт внезапно заговорил о неизбежности ареста. Им не продержаться долго, а значит, надо быть готовым. И главное – не считать врагов только подлецами и идиотами. Многие в Большом Доме на Лубянке именно таковы, но есть и другие. Терапевт вспомнил Ростов осенью 17-го, когда офицеры, сходявшиеся под знамена Корнилова и Алексеева, считали большевиков всего лишь платными агентами Вильгельма. Напрасно... Врагов, особенно таких, недооценивать нельзя.

Итак, никуда звонить не следовало, как и суетиться, бегать по городу, заходить в церковь. Он сделал свое дело, а то, что все люди смертны, Юрий успел слишком хорошо усвоить за свою недолгую жизнь. Теперь, когда книга будет издана, когда останутся Терапевт, Флавий и тот, неизвестный, которого Терапевт, называл Марком, смерть Юрия Петровича Орловского будет лишь маленьким эпизодом в их безнадежной борьбе. Юрий давно уже все решил для себя. Он, не успевший взять винтовку в годину Смуты, не хотел пропадать ни за грош, утешаясь, как тысячи его сограждан, мыслью, что он «не виновен». Нет, Юрий Орловский виновен перед этой каиновой властью, а значит, и погибать будет легче. Оставались, в общем-то, пустяки – биология, нормальный человеческий страх...

Юрий стоял у иконы. Пора было поставить свечи и уходить. Орловский не считал себя искренне верующим. Детская вера давно ушла, и он давно уже решил, что Создателю просто нет дела до ползающих во прахе тварей, называющих себя людьми. Это в лучшем случае...

Орловский отогнал неуместные мысли: он все-таки был в храме и вдруг подумал, что случись все как-то иначе, лучше, то именно здесь ему довелось бы венчаться с Никой. Юрий даже как-то, не сдержавшись, спросил, обвенчана ли она со своим мужем. Ника удивилась – ее муж, убежденный боец ленинско-сталинской партии, и не думал венчаться. То, что теперь называлось «браком», стоило лишь трех рублей гербового сбора в заведении с почти неприличным названием «ЗАГС»... Все эти два года Юрий чувствовал себя грешником, ведь Ника была чужой женой! Оставалось надеяться, что Создатель, если Он и в самом деле интересуется

делами земными, покарает лишь его одного. Ибо – «*mea culpa, mea maxima culpa!*». Орловский произнес это по-латыни и чуть заметно усмехнулся: Бог Православный наверняка обидится. Да, его грех, его величайший грех...

– Могу ли я вам помочь, сын мой?

Юрий вздрогнул. Он даже не заметил, когда священник успел подойти. Орловский узнал его, хотя видел лишь однажды, два месяца назад. Он вспомнил, что нового настоятеля зовут отцом Леонидом...

– Я... Нет, спасибо... отец Леонид...

Слова выговаривались бездумно, сами собой. Священник кивнул, хотел было отойти, но помедлил:

– Извините, сын мой. Просто, я узнал вас. Вы ведь Орловский Юрий Петрович?

На миг вернулся охватил страх. Откуда? Может, и этот, сменивший отца Александра, из тех, что обкладывают его, словно волка, по столичным улицам?

Священник, кажется, понял. Понял – и удивился.

– Да вы же заходили сюда, сын мой. Помните, как раз на день Сергия Радонежского?

Да, тогда, два месяца назад, был какой-то праздник...

– Так что чему дивиться, сын мой? Вы-то, вижу, меня не забыли.

– Но вы же священник! – на этот раз пришлось удивиться Орловскому.

Отец Леонид покачал большой лохматой головой:

– Отчего же так? Долг мой помнить всех. Да и немного прихожан ныне. А мы с вами еще и беседовали...

Юрий кивнул. Все верно, он спрашивал об отце Александре.

– Тогда вы представились. Как же я мог запомнить-то? Вы ведь Орловский, ваш прадед и дед ваш были здешними ктиторами.

Этого Юрий не знал. Мать не рассказала ему – не успела. А может, просто опасалась.

– В самом деле? – он удивленно оглядел церковь, словно увидел ее в первый раз. – Я помню, что наша семья что-то дарила... Вот эту икону...

– Не только эту. Давеча прочитал, что иконостас был дедом вашим заказан. Из самого Киева мастеров приглашал.

Орловский невольно улыбнулся. Сейчас это казалось сказкой – давней и невероятной. Интересно, что сказали бы в парткоме музея, узнай они это?

– Пойдемте побеседуем, сын мой!..

Юрий хотел возразить, но почему-то смолчал и послушно прошел вслед за священником в небольшую боковую дверь. Очевидно, это была ризница, но в таких тонкостях Орловский не разбирался. Войдя, священник привычно перекрестился на большую икону в дорогом серебряном окладе. Юрий поспешил сделать то же – и вдруг замер.

– Это... это же наша икона! Святой Георгий, правда?

...Лицо всадника было сурово и спокойно. Казалось, он не испытывает радости от победы над корчившимся под золочеными копытами коня чудовищем. Воин исполнил долг – и чувствовал лишь холодную безразличность к мерзости, только что поверженной наземь. Он слишком устал, как солдат, у которого за спиной бесчисленный ряд смертельных схваток, и еще столько же – впереди, до самой смерти...

– Эта икона висела у нас в доме, – волнуясь, заговорил Орловский. – Потом, я болел, у меня была корь... или скарлатина... Мама подарила ее церкви, в благодарность за то что я выздоровел. Я еще потом удивлялся, почему ее там нет?..

– Сие очевидно, – вздохнул отец Леонид. – Икона древняя, да и оклад серебряный. Висела бы на виду – давно пришлось бы расстаться. Не пожалели бы!.. Что ж, раз это ваш святой... Поставьте свечу, Юрий Петрович!

Орловский вновь послушался, но, когда он уже подносил кончик тонкой желтой свечки к лампадке, священник остановил его:

– Не зажигайте. Просто поставьте – и все...

Юрий даже не удивился. Мало ли какие неведомые правила существуют по поводу возжигания свечей? Он сел на предложенный священником стул, рука потянулась к карману, где лежала пачка «Нашей марки», но он сдержал себя: не время и не место.

– Курить тянет? – понял его отец Леонид. – Вижу. Сам грешен. Пускаю дым, аки змий на вашей иконе. Грех, конечно...

Юрий вновь усмехнулся. Конечно, и это грех. Если б все грехи, переполнившие землю, были столь же незамысловаты...

И вновь священник его понял:

– Вы ведь человек не церковный, сын мой?

– В каком смысле? – не понял Орловский. – Да, в церкви бываю редко, грешен...

– Я не только об этом, – покачал головой отец Леонид. – Людям мирским иногда странной позиция Церкви кажется. Особенно в такие времена, как ныне. Все заняты политикой, а священники толкуют о крепости брака, вреде винопития, о том же курении. Иные удивляются, иные соблазняются даже...

– А вы считаете, что Церковь должна быть вне политики?

Он тут же пожалел о своих словах. Вступать спор не было ни сил, ни желания.

– Увы, сие тоже невозможно. Но я о другом. С точки зрения Церкви, такие вроде бы мелочи порой важнее мировых катаклизмов. Догадываетесь почему, Юрий Петрович?

– Да, – об этом Юрию уже приходилось беседовать с отцом Александром. – Церковь считает своей главной задачей спасти души. А для каждой отдельно взятой души эти мелкие проблемы порой важнее...

– Очень зло формулируете, сын мой...

Сказано было без всякого осуждения, просто как признание факта. Юрий почему-то ощутил что-то напоминающее легкую обиду. Внезапно – терять все равно было нечего – он решил:

– Отец Леонид, вы не скажете, что с отцом Александром?

Отец Леонид медленно перекрестился, ничего не сказав, но Юрий понял.

– Но почему? – вновь не выдержал он. – Ведь он же просто священник!

– Увы, и этого вполне достаточно, – на широком лице отца Леонида на миг промелькнула горькая улыбка. – Статья 58-я – как врата адовы... Отец Александр получил десять лет, но доехал лишь до Читы. Сердце...

Юрий закусил до боли губу. Вспомнился давний разговор с Терапевтом о целесообразности террора. Тогда оба они согласились с бессмысленностью подобного, но в эту минуту Орловский подумал иначе. Может, лучше было делать так, как подсказывала горячая кровь его рода: стрелять, взрывать, вызывать на поганных большевистских рожах гримасу ужаса...

– Вот и вы ожесточились, – вздохнул священник. – И вы желаете воздавать злом за зло...

– Злом за зло... – Юрий уже не думал о осторожности. – Моего отца убила солдатня в 17-м, брат погиб в армии Врангеля в 20-м, мать не выдержала – умерла, ей еще и пятидесяти не было!.. Мои друзья, одноклассники...

Он захлебнулся словами – и умолк.

– И вы хотите быть судьей? – негромко поинтересовался священник. – Чем же вы отличаетесь, сын мой, от тех, кто судил ваших близких? Ведь они наверняка тоже считали, что правы!

– Ну хорошо, – все-таки этот священник заставил его спорить. – Не судите, да не судимы будете – это я помню. Учил в детстве! Но скажите, отец Леонид, что делать мне? Меня должны арестовать! Так что мне – простить врагов моих? Или, может, даже помолиться за них, за большевиков, за власть нашу родную, предержашую? Они... Эти!..

– И вы считаете себя мудрее Всевышнего? – грустно улыбнулся отец Леонид. – Думаете, что лучше Его знаете, какую историю должно иметь России? Между прочим, апостолу Павлу тоже была не по душе власть кесаря Тиверия. Но он все же сказал, что нет власти еще не от Бога. Нет – понимаете? А между тем, сей апостол был не смирен духом...

– Тиверий... – вздохнул Орловский. – Извините, батюшка, я по образованию историк. Разве это сравнимо? Тиверий казнил десяток сенаторов, а коммунисты...

– Разве дело в арифметике? – голос священника внезапно стал суровым. – Ежели одна власть убила десять невинных, другая же – десять миллионов, значит, первая лучше?

– Нет... наверное, нет...

Юрий пожалел, что затеял этот бессмысленный спор. Священник мог принять его за обыкновенного провокатора. Ничего себе тема для беседы на двадцатом году Великой Октябрьской социалистической революции!

– Извините, – он покачал головой и встал. – Вы правы... Я пойду.

– Я вас не убедил, сын мой, – священник тоже встал и вновь невесело усмехнулся. – Вы уходите ожесточенным, полным ненависти. А этот груз нести опасно, особенно туда...

Юрий понял. Нет, отец Леонид не убедил его. Любить врагов... Даже в наивные евангельские времена это было уделом немногих, а сейчас, после Армагеддона...

– Погодите, – остановил его священник. – Свеча...

Орловский кивнул и шагнул к иконе и вдруг замер. Свечи не было. На том самом месте стояла какая-то другая, горящая, уже успевшая уменьшиться почти на треть...

– Моя свеча, – растерялся он. – Она куда-то...

Отец Леонид неторопливо подошел к иконе, перекрестился:

– Иных свечей тут не было. Это – ваша.

– Но... я не зажигал ее!..

Орловский растерялся. На ум пришел давний рассказ, слышанный еще на первом курсе о том, что в средние века свечи натирали фосфором – для самовозгорания. Но он ведь купил эту грошовую свечку совершенно случайно!..

– Я не зажигал... – повторил он, чувствуя себя обманщиком.

– Да, не зажигали, – все так же спокойно подтвердил священник. – Но сие не важно. Она горит.

Юрий помотал головой. В мистику он не верил, а к церковным чудесам с плачущими иконами привык относиться более чем скептически.

– Но как это? Почему?

– Не ведаю, сын мой, – отец Леонид внимательно поглядел на икону, затем на своего собеседника. – Вам должно быть виднее, Юрий Петрович. Это – ваша икона. Это – ваша свеча...

Орловский был сбит с толку. Заговори священник о чуде или о чем-либо подобном, он был готов по привычке опровергать, спорить. Но ведь он видел своими глазами!..

– Но... что это должно значить, батюшка?

Отец Леонид пожал плечами:

– Считайте это знаком. Или, ежели хотите, итогом нашего достаточно бестолкового диспута... Юрий Петрович, не знаю, даст ли еще Бог свидеться... Прошу вас, что бы не случилось, забудьте о ненависти! Не берите греха на душу. Вы устанете ненавидеть, а сил на любовь уже не будет... Прошу вас!..

Орловский не ответил – слова не шли на ум. Взгляд вновь упал на икону. Лик Георгия в неярком сверкании серебряной ризы на этот раз показался чужим и далеким, словно бывший младший командир римской армии на какой-то миг забыл о своем непутевом тезке... Юрий склонил голову под благословение, невнятно попросился и быстро прошел через полутемный храм к выходу.

На душе было тяжело. На смену уже привычному страху пришел стыд. Орловский понял, что вел себя попросту безобразно. Он пришел в церковь, священник, почувствовав, что случайному гостю нужна помощь, обратился к нему, а он, всегда считавший себя воспитанным человеком, обрушился на отца Леонида чуть ли не с руганью! Смелым же он оказался в разговоре с незащитным священником!

Хотелось немедленно вернуться, извиниться. Нет, он не был согласен с отцом Леонидом. Юрий считал, что имеет полное право на ненависть к врагу, но ведь он говорил со священником! У церкви своя правда, поэтому священнослужителей не посылают в бой...

Орловский уже был готов повернуть назад, но, опомнившись, поднял взгляд – и вздрогнул. Двое, о которых он успел забыть, стояли прямо перед ним, у входа в переулок. Тот, что помоложе и пониже ростом, беззаботно дымил папироской, и на лице его плавала блаженная ухмылка давно не курившего человека. Второй, постарше и повыше, тоже держал папиросу в пальцах, но не курил, а раздраженно вертел ее, словно что-то его в этой папиросе не устраивало.

Юрий сделал несколько шагов вперед, остановился, а затем заставил себя вновь идти дальше. Сейчас эти двое уступят дорогу, затем вновь потащатся следом...

Они действительно расступились, но внезапно, когда Орловский оказался как раз между «топтунами», тот, что постарше, хмыкнул, сунул не понравившуюся ему папиросу в карман, и повернулся к Юрию:

– Слышь, Орловский, ты ведь «Нашу марку» куришь? Кинь одну!

На миг стало холодно. Ни о чем не думая, Юрий сунул руку в карман пиджака, выхватил пачку и не глядя отдал ее типу в дорогом костюме. Тот извлек одну папиросу, аккуратно закрыл коробку, вернул.

– Благодарствую. Никакого сравнения!

Он прикурил, с наслаждением пустив в небо струю дыма. Юрий все еще стоял, машинально поправляя пиджак. Тот, что был помоложе, продолжал как ни в чем не бывало блаженно ухмыляться.

– Да ты чего? – удивился старший «топтун». – Гуляй дальше, Орловский! Тем более, в храме побывал, душу облегчил...

Не дослушав, Юрий шагнул прочь. Через мгновение сзади неторопливо зашлепали по мостовой две пары туфель. Орловский заставил себя не оглядываться и резко ускорил шаг. Его вновь охватил гнев, но уже не на себя, а на тех, кто неторопливо и тщательно готовил расправу. «Нельзя их недооценивать», – вновь вспомнились слова Терапевта. Да, в него вцепились мертвой хваткой. Пока еще только здесь, на улице, чтобы не отпустить ни на шаг, заставив почувствовать свое вездесущее всеисие. А скоро – и там, в лабиринтах Большого Дома, где за него возьмется по-настоящему...

Юрий не выдержал и все-таки оглянулся. «Топтуны» шли медленно, как бы нехотя, прогуливаясь. На мгновение его охватило жуткое чувство бессилия. Захотелось что-то сделать, чтоб согнать наглые ухмылки с лиц этих уверенных в себе типов. Взгляд скользнул по улице, по высоким пятиэтажным домам...

Орловский невольно усмехнулся. Значит, «гуляй дальше»? Что ж, они знают даже сорт его любимых папирос. Наверное, знают и то, что сейчас он, Юрий, идет по знакомой с детства улице, по которой мог бы бродить даже с завязанными глазами. Чуть дальше стоит шестиэтажный дом, где они жили, покуда десять лет назад не пришлось переехать на Ордынку...

Мысль показалась мальчишеской, совершенно несерьезной для тридцатитрехлетнего интеллигента накануне неизбежного ареста. Убегать и скрываться Орловский не собирался хотя бы потому, что прятаться в Столице без помощи Терапевта негде, а за черту вокзалов его не выпустят. Но захотелось что-то сделать – просто, чтобы выплеснуть злобу, чуток потешиться перед неизбежным. Юрий замедлил ход, мысленно прикидывая знакомые маршруты. Первая, нужная ему подворотня, как раз справа...

Юрий нырнул в темноту и побежал. Через секунду он уже был в маленьком глухом колодце двора перед черневшими дверями двух мрачных подъездов. Тот, что слева, проходной, именно здесь они любили играть в индейцев и ковбоев. Подъезд был «Ущельем Смерти», которое вело прямо в волшебную страну «Зарем».

...По подъезду он бежал с закрытыми глазами, как бегал в детстве. Сейчас налево... Нога нащупала ступеньку, секунда – и Юрий был уже в «стране Зарем», то есть в другом дворе, таком же глухом и тихом. Какая-то дама, несшая корзину с бельем, удивленно замерла и уступила дорогу. Здесь было целых три подъезда, проходной – средний...

Вновь очутившись в темноте, Юрий вдруг представил, что он не бежит дальше, а прячется здесь, и, когда первый «топтун» все-таки находит дорогу, хватает его мертвой хваткой за горло, отбирает оружие и документы... Орловский грустно усмехнулся – драться не приходилось с самого детства, а враги были не «по игре», а настоящие. Он бросился дальше и вновь оказался во дворе, но уже большом, шумном, где играли дети, и стояла серая, чуть скособо-ченнная от времени голубятня.

Юрий перешел на шаг, не желая привлекать лишнего внимания. Влево, к сараям... Возле одного из них росло дерево – высокий тополь с изогнутым кривым стволом. Орловский улыбнулся: какой-то карапуз как раз пытался забраться по стволу наверх...

Орловский расстегнул пиджак – и через секунду был уже на крыше сарая. Гулко отозвалась потревоженная жесть. Когда-то на шум выбегал хозяин – татарин, местный дворник. Жив ли он еще?.. Пять шагов – и Юрий был уже на противоположном краю крыши. Здесь надо прыгать.

...Орловский мягко опустился на землю, привычно согнув ноги в коленях. Какой-то мужчина с негромкой руганью шарахнулся в сторону, но Юрий даже не оглянулся. Впереди был еще один двор, на этот раз совсем маленький. Правда, единственный подъезд не имел сквозного прохода, но рядом – калитка, которая вела через небольшой палисадник на улицу.

Калитка оказалась наглухо заколоченной, но забор был невысок, мгновение – и Орловский очутился в знакомом палисаднике. Мелкая собачонка, похожая на крысу, успела пару раз недоуменно тявкнуть, но Юрий был уже у другой калитки, выходившей на улицу. Он прошел квартал насквозь. Чтобы обойти по улицам, даже зная, куда направляешься, потребуется ровно втрое больше времени. Последнее было много раз проверено во время лихих погонь еще в детские годы. Орловский удовлетворенно улыбнулся и достал папиросы. Рука уже тянулась к спичкам...

...Тот, что был постарше и повыше, стоял рядом с калиткой, с ленивым любопытством разглядывая каменные пасти львов на фасаде соседнего дома. Юрий глотнул воздух, машинально сделал шаг вперед, словно кролик, увидевший удава.

– Чего, Орловский, набегался? – «топтун» ухмыльнулся и пожал плечами. – Ну давай, бегай!..

Сзади слышались неторопливые шаги. Второй «топтун» выходил из палисадника, поправляя сбившийся на сторону галстук.

– Че, спекся? – вопрос прозвучал так же спокойно и лениво.

Первый вновь скривил губы:

– Слышь, Орловский, пошли лучше пивка выпьем. Тут, за углом, пивнуха, там не разбавляют...

За углом действительно была пивная. Тогда, много лет назад, ее держал какой-то грек-нэпман.

– Я не хочу пива... Не пью...

Нелепые слова вырвались сами собой. Юрий почувствовал себя раздавленным и бессильным. Он попытался дать бой на знакомой территории и проиграл – быстро и бесповоротно. Родные стены не помогли. А если бы он и вправду попытался бежать?

– Да, знаю, – вздохнул «топтун». – Коньяк предпочитаешь! Где только деньги берешь, Орловский?.. А может, пошли? Там буфетчица знакомая, устроимся в кладовочке, хряпнем по кружке...

Юрий представил себя в тесной кладовке, что находилась сразу же за стойкой, рядом с этими двумя типами, поглощающими пиво. Зрелище походило на дурной сон, но он прекрасно понимал, что и такое вполне возможно. Этим двоим, видать, действительно надоело бегать за ним. А может, и не пиве дело. Просто таков метод: загонщики постепенно приближаются к жертве. Сначала просто идут сзади, затем просят закурить, потом вместе идут в пивную...

– А то пошли в зоосад, – внезапно предложил молодой. – Зверюшек посмотришь...

– Там клетки – не разбежишься, – хмыкнул первый. – Ладно, Орловский, гуляй, коли охота. Можешь таксомотор взять – для разнообразия. А лучше ступай домой – бельишко собери, папирос... Пригодится! А то у нас наряд только на сегодня...

Они ничего не скрывали. Значит, этот день – последний. Придут за ним, скорее всего, под утро, чтобы вытащить одуревшим и сонным из постели, поставить в одних кальсонах посреди комнаты и начать обыск – неторопливый основательный...

Орловский отвернулся, и, не обращая внимания на ухмыляющуюся «свиту», не спеша пошел к трамвайной остановке. Выходит, он поступил верно, что не пошел вчера на встречу с Терапевтом! Ведь за ним могли начать слежку сразу. Правда, это означало, что они могли увидеть Нику!.. Впрочем думать об этом уже поздно. Они оба выбрали этот путь. Он – взявшись писать книгу, она – связавшись со смертником. Не раз и не два он просил ее уйти, намекал, даже пытался объяснить. В ответ Ника шутила, уверяя, что с ее фамилией можно не бояться Большого Дома.

Отчасти это была правдой. Кроме того, Терапевт твердо обещал помочь – и даже намекнул, что можно сделать в такой ситуации. Именно тогда Юрий узнал кое-что о человеке, которого они решили назвать Флавием. Странный псевдоним казался тогда очередной выдумкой Терапевта, и лишь значительно позже Орловский узнал, что Флавий окрестил себя сам. Юрий поинтересовался, кого из трех императоров этой римской династии имел в виду их неизвестный товарищ. Терапевт засмеялся, предположив, что тот имел в виду четвертого Флавия – Иосифа, перешедшего на сторону победителей-римлян, но в душе оставшегося верным своему народу. Впрочем, как пояснил его друг, Флавий по характеру скорее не еврей, а китаец.

Да, Терапевт и Флавий могли помочь Нике. Это успокаивало, тем более она сама едва ли могла всерьез заинтересовать хозяев Большого Дома. Собственно, кто такая Ника, если взглянуть со стороны? Очень красивая женщина, супруга человека, о работе которого не положено говорить вслух, дама, привыкшая отдыхать в Сочи и одеваться у Ламановой, бывавшая на правительственных приемах, сидевшая пару раз за одним столом с самим товарищем Сталиным. Конечно, (кто без греха?) у нее имелся любовник – крайне сомнительная с точки зрения советской власти личность, а посему эту случайную личность можно и нужно поскорее забыть...

Не так давно он сказал об этом ей прямо, уже без намеков. Ника слушала молча, сжимая в зубах папиросу – курить она никогда не курила, но в минуты волнения часто закусывала зубами папиросный мундштук, уверяя, что это ее успокаивает. А затем назвала Юрия дураком и спокойно, без своей обычной улыбки спросила, неужто он считает, что она дорожит хоть чем-нибудь из всего этого? И что не бросит все черту, если он позовет ее в свой холодный флигель? В тот момент Юрий понял, что Ника действительно не шутит, что она сделает это; ему стало радостно и, одновременно – страшно. Будь Орловский просто рядовым полуниницием интеллигентом, кто знает, что бы он ответил. Но книга была уже почти закончена... Любовницу могут и не тронуть, супругу же врага народа Юрия Орловского ждал только один исход.

Тогда он отшутился, переведя разговор на свою неказистую внешность, заметив, что им будет невозможно даже показаться у приличных знакомых. Это была его любимая тема – под-

шучивать над своим невысоким ростом, сутулостью и ранними залысинами. В конце концов Ника рассмеялась, назвала его, как обычно в подобных случаях, «ушастым ежом» и «редким эндемиком», и опасный разговор удалось оборвать.

...Домой он добрался часа через два. Преследователи не отставали, но держались теперь в отдалении. Очевидно, они поняли, что жертва решила забиться в нору, значит можно не тратить силы, а просто ждать, пока не придут охотники и не выкурят ее оттуда...

Юрий разделся и рухнул на диван. Хотелось просто лежать, глядя в покрытый паутиной потолок. Ника часто грозилась устроить у него уборку, и каждый раз Юрий отбивался, уверяя, что приберет все сам. Он и в самом деле регулярно наводил порядок в своем холостяцком жилище, но до потолка руки не доходили, и Ника то и дело спрашивала его, каков настриг паутины и выполняют ли его подопечные пятилетний план. Теперь уже незачем было разрушать хитрые невесомые витражи. Орловский хотел еще раз обдумать то неизбежное, что стояло уже у порога, но мысли не шли на ум, и внезапно для самого себя он заснул, провалившись в темный омут без сновидений и раздумий.

Когда он проснулся, был уже вечер. Стемнело, в окно падал свет горевшего во дворе фонаря. Юрий вышел на крыльцо и поглядел в сторону ворот. Там по-прежнему стояли двое – правда, другие. Очевидно, дневная парочка уже успела честно отработать свой нелегкий хлеб.

Внезапно Юрий понял, почему многие, о чем приходилось неоднократно слышать, воспринимают арест с облегчением. Вначале это представилось диким, но теперь причина была очевидна. Никто, ни виновный, ни безвинный, не выдержит нескольких дней такой слежки. Лично с него хватило и суток. Лучше уж сразу, чтобы не ждать, не прислушиваться к шуму мотора на улице, к тяжелым шагам на крыльце...

Юрий крепко запер замок, навесил щеколду и даже подпер дверь валявшимся с зимы поленом. Потом, вспомнив свой первый арест, когда за ним тоже пришли ночью, он наполнил ведро водой, поставив его прямо посреди темного коридора. Сделанное его порадовало, как и то, что удалось выпастись. Теперь можно всю ночь бодрствовать, и доблестные чекисты не застанут его спросонья и в одних кальсонах. А дверь... Орловский усмехнулся и прошел в комнату.

Он еще раз внимательно проверил стол, подоконник и полки. Вчера он поработал на совесть – ничего опасного не осталось. Хотя... На полке он заметил маленький томик Теннисона. Ну конечно, его принесла вчера Ника, вручив ему сразу, еще на пороге, а потом заметила дым от горящих бумаг... Юрий взял томик и быстро его перелистал. Так и есть! На форзаце карандашом была написана фамилия Ники – еще девичья. Юрий на миг задумался, затем, мысленно пожалев прекрасное издание, вырвал форзацный лист и аккуратно сжег его в пепельнице.

Оставалось подумать, как убить ночь. Пустая комната пугала, и Юрий зажег вторую лампу. Стало светлее, и он невольно улыбнулся. Вот и все! То, чем он жил все эти годы, заканчивается. А что впереди? Орловский вновь вспомнил, что говорил ему Терапевт, когда они беседовали о неизбежном провале. «Поймите, Юрий! – его друг сделал тогда паузу и посмотрел прямо в глаза, что бывало крайне редко. – Вы не нужны мертвый! Вы нужны живой, Юрий. Постарайтесь выжить! Если будут заставлять признаться в какой-нибудь ерунде – соглашайтесь! Если поймете, что они знают все – подписывайте! Но помните – там есть только три правила: никому не верить, ничего не бояться и ни о чем не просить...»

Тогда Юрий не стал спорить, но дал себе твердый зарок. Он никогда не расскажет им – ни о Терапевте, ни о Флавии, ни о Марке. Но Орловский понимал и другое. Для тех, кого сейчас косит страшная коса, кого по ночам забирают «маруси» и «столыпины», арест означает конец, чаще всего – безвозвратный. Невинным, кого брали тысячами и тысячами, следовало думать только об одном – как уцелеть. Но он, Юрий Орловский, не случайная жертва. Он –

враг, настоящий враг тех, кто погубил его Родину. А значит, и после ареста, его сражение не закончено. Правда, теперь бой будет вестись в абсолютно неравных условиях, песчинка попадает в жернова, мелющие все и вся... Но если песчинка тверда, то оставит на камне царапину. Нет, еще ничего не кончено! Юрий вспомнил отца Леонида и покачал головой. Священник ошибся. Ненависть к врагу – это то, что поддержит, не даст пропасть напрасно. Ненависть – и любовь к друзьям, к тем, кого уже нет, и кто еще жив, чья жизнь зависит от него, Юрия Орловского...

Он достал из папки свою незаконченную рукопись и грустно улыбнулся, перечитав заголовок: «Героический эпос дхарского народа». Когда-то Родион Геннадиевич, добрейшая душа, уверял, что это готовая кандидатская, а значит Юрию надо поскорее заканчивать работу. Но с тех пор спешить стало некуда, он начал писать другую – главную – книгу, а рукопись так и осталась незавершенной. Что ж, теперь время было... Орловский заставил себя сосредоточиться, взял ручку и стал писать своим ровным красивым почерком как раз с недописанной три года назад строчки.

...Он работал всю ночь, дважды заваривая чай и докуривая коробку «Нашей марки». Глава была уже почти закончена, когда он услышал, что в дверь постучали. Наверное, стучали уже не в первый раз, поскольку стук был громким и нетерпеливым. Юрий улыбнулся и аккуратно закрыл ручку колпачком. Стук продолжался несколько минут, чьи-то голоса требовали открыть и открыть немедленно, но Орловский по-прежнему сидел за столом, глядя на исписанный только наполовину лист бумаги. Что ж, главу ему уже не завершить... Стук сменился грохотом – те, на крыльце, уже потеряли терпение. Впрочем, дверь оказалась добротной, и Юрий успел докурить последнюю папиросу, прежде чем в прихожей послышался треск. Тогда он выключил свет. В коридоре затопали ножищи, вдруг послышался грохот, звон и громкие ругательства. Нехитрая выдумка сработала – кто-то из ночных гостей угодил-таки ногой в ведро...

Юрий рассмеялся, встал и накинул на плечи пиджак.

Глава 2. Новое место службы

– Значит, Пустельга Сергей Павлович...

– Пустельга́, товарищ полковник. Ударение на последнем слог...

Поправлять старшего по званию, да еще в кадровом отделе Центрального Управления НКВД, в общем-то, не следовало, но Сергея всегда раздражало, когда его фамилию коверкают. На Украине, откуда он родом, никому не нужно объяснять, что «пустельга» – название маленькой сильной птицы, степного сокола.

Впрочем, пожилой полковник-кадровик, полный лысый мужчина, был настроен вполне благодушно.

– Ну-с, я вас слушаю, товарищ Пустельга́...

Вызов в Столицу был для Сергея полной и неприятной неожиданностью. Сюда его не тянуло. В Ташкенте, где он служил уже пятый год, работа ему нравилась. Пустельга, несмотря на свой возраст, был на хорошем счету и считался первым кандидатом на вакантную должность начальника Иностранного отдела Среднеазиатского управления. Оставалось лишь получить чин капитана, однако неожиданно-негаданно, в самый разгар давно задуманной им операции по внедрению агентуры в Восточный Сибиряк, он получил приказ немедленно сдать дела и ехать в Большой Дом.

О причинах Сергей догадывался. После ликвидации банды врага народа Ягоды в Столичном управлении образовалось немало вакансий. Мысль служить в Столице не вызывала энтузиазма. Сергей уже работал там полгода, после окончания училища, и служба в огромном городе, под самым оком высшего начальства, оставила неприятные воспоминания. Ташкент нравился больше, но мечтой оставалась служба на родине – на Украине, лучше всего – в знакомом с детства Харькове. Увы, выбирать ему не приходилось.

– Я вас слушаю, – повторил толстяк-полковник и поднял на Сергея удивленный взгляд. Надо было отвечать. Командировочное предписание он уже успел вручить, поэтому оставалось повторить уже известное. Он, старший лейтенант Сергей Павлович Пустельга, украинец, 1913 года рождения, из рабочих, член ВКП(б), до недавнего времени заместитель начальника Иностранного отдела Среднеазиатского управления, прибыл по вызову...

Кадровик удовлетворенно кивнул и начал неторопливо рыться в горе папок, загромождавших огромный стол. Сергей еле заметно поморщился: людей из отдела кадров он всегда недолюбливал. Даже в бумагах не могут навести лад, будто это не их работа! Оставалось ждать – и, заодно, рассматривать кабинет. Ничего в нем особенного не было: непременные шторы, закрывавшие окна, высокая ажурная лампа синего стекла, громоздкие стулья, шкаф с нечитанными белыми томиками сочинений Ленина. И полковник-кадровик тоже был самым обычным. Но вот некто, сидевший в углу и внимательно читавший бумаги из старой пожелтевшей папки...

Этого человека Сергей заметил с порога. Неудивительно – на неизвестном были петлицы комбрига. Однако тот сразу махнул рукой, приглашая не обращать на него внимания. Несмотря на то, что гость почти утонул в огромном кресле, можно было понять, что он очень высокого роста, худ и широк в плечах. Лицо – красивое, хотя уже немолодое, вначале показалось Сергею загорелым дочерна, но затем он сообразил, что оно пунцово-красное, точно от ожога. Глаза же были странными, какими-то бесцветными.

Имелась во всем этом еще одна странность. На комбриге была гимнастерка, но не с привычными эмблемами, а почему-то с саперными топориками. Понять, что делает краснолицый комбриг-сапер в кабинете Центрального Управления НКВД, было достаточно сложно.

– Ну-с, – заметил кадровик, – кажется нашел!

Зашелестели бумаги.

– Пустельга Сергей Павлович... Тэк-с, Тэк-с...

Он углубился в чтение. Очевидно, это было личное дело Сергея – папка, в которую он давно мечтал заглянуть.

– Тэк-с, тэк-с... Учились в колонии имени Дзержинского... Похвально, похвально, товарищ старший лейтенант!.. Это у Макаренко?..

– Так точно!

Пустельга у невольно улыбнулся. Колония имени Дзержинского – высшая аттестация для молодого чекиста.

– Отец – член партии с 1915-го. Погиб под Орлом... Вы, стало быть, бывший беспризорник...

Кадровик не спрашивал, а просто проговаривал вслух то, что записано в бумагах. Сергей вновь усмехнулся: несколько лет голодной, но бесшабашной жизни на околицах Харькова теперь воспринимались как странный, хотя и увлекательный сон. А ведь было! И скажи тогда кто, что Сережка Крест станет через несколько лет сотрудником ВЧК!..

– Училище, стажировка в Столице... У Фриневского стажировались?

– Так точно!

Фриневский, как уже успел узнать Сергей, был теперь крупной фигурой – заместителем самого товарища Ежова.

– Ташкент... Сами попросились. Хорошо, хорошо!.. Узбекский выучили, уйгурский... Но вы же, извините, на узбека не похожи!..

Сергей лишь вздохнул. Очевидно, кадровик прочитал, что его, тогда еще лейтенанта, внедряли в эмигрантскую военную организацию.

– Это было в Яркенде, там много русских. Белогвардейцев... Я занимался ими. Националистическим подпольем ведал другой отдел, товарищ полковник. Я же из Иностранного...

– Знаю, знаю!

Толстяк махнул рукой, и Сергей вновь сдержал усмешку, подумав, скольких шпионов удалось тому раскрыть за свою жизнь. Сам же старший лейтенант мог гордиться – и было чем. Две медали – не шутка, а за агента БШ-13, он же курбаши Шо, его благодарил лично нарком...

– ...Смел, инициативен, особо успешно работает при планировании и проведении сложных, неординарных операций...

Очевидно, это было из его последней, еще неизвестной Сергею характеристики. Слова были обычными, казенными, но все-таки слышать такое было приятно.

– Обладает особыми природными способностями, помогающими в работе...

Полковник пробежал глазами только что прочитанную фразу и удивленно поднял глаза на Сергея. Тот замялся.

– Ну, понимаете... Я почти всегда чувствую, если люди говорят неправду. Когда ведешь допрос, очень помогает. И я иногда могу угадывать, что человек думает. Не всегда, конечно...

– А-а-а, – протянул кадровик. – Это понятно, это правильно!..

Пустельга облегченно вздохнул. Хорошо, что толстяк не стал расспрашивать дальше, иначе Сергею пришлось бы продемонстрировать сеанс угадывания мыслей на самом полковнике. Сделать это было крайне нетрудно.

– Но здесь написано... – пухлый палец ткнулся в бумагу, а в голосе вновь прорезалось удивление, – «Особенно успешно работает с фотографиями...»

Значит, написали и об этом. Пришлось пояснять, хотя сделать это в двух словах было крайне нелегко:

– Это... это у меня с детства, товарищ полковник. Если я взгляну на фотографию, то почти всегда могу сказать, жив человек или нет. А иногда – далеко или близко.

...Впервые он понял это в шесть лет, когда посмотрел на отцовскую фотографию и вдруг понял, что его бати, Павла Ивановича, командовавшего батальоном на Юго-Западном фронте, нет в живых...

– И вы можете сказать, где находится этот человек?

Старший лейтенант удивленно повернул голову. На этот раз спрашивал не полковник, а неизвестный сапер.

Сергей несколько растерялся. Странный комбриг старше по званию, но отвечать ли ему – чужаку в Центральном Управлении?

– Да-да, отвечайте! – понял его кадровик, и по тому, как заторопился полковник, Сергей сообразил, что краснолицый – никакой не чужак, а саперные петлицы, скорее всего, обычный маскарад.

– Нет, не могу, товарищ комбриг, – Пустельга на всякий случай встал, хотя оставался в положении «вольно». – Я лишь могу понять – далеко ли он.

– Интересно... – по пунцовому лицу пробежала короткая, жесткая улыбка. – Вы смотрите или подносите руку?

По тому, как был задан вопрос, Сергей вдруг понял, что неизвестный комбриг понимает, о чем идет речь.

– Смотрю. Пробовал рукой, но не всегда получается.

– Вот как?.. – неизвестный тоже встал и внимательно поглядел на полковника. Тот внезапно вскочил и неуверенно проговорил, что ему срочно надо в хозяйственное управление. Краснолицый нетерпеливо кивнул, и Сергей окончательно понял, кто здесь главный. Хлопнула дверь. Комбриг усмехнулся, на этот раз весело и добродушно, и протянул широкую сильную ладонь:

– Волков Всеслав Игоревич...

...Рука краснолицего была отчего-то холодной, как лед.

– Садитесь, Сергей, поговорим.

– Так точно, товарищ комбриг!

Сапер покачал головой:

– Мы не в строю. Зовите по имени.

Это было уже чересчур, и Сергей решил называть комбрига по имени и отчеству, тем более произносить «Всеслав Игоревич» было приятно.

– Значит, смотрите на фотографию, глядите прямо в глаза, затем начинаете чувствовать глубину...

– Да, – не удержавшись, перебил Сергей. – Если он жив, то я слышу что-то похожее на эхо. А если нет – то только пустоту...

– Понял, – кивнул краснолицый. – Сами выучились? Неплохо! Экзамен желаете?

Слово «экзамен» всегда вызывало у Сергея зубную боль.

– Ну, тогда зачет... – на красном лице вновь мелькнула улыбка, и Сергей поневоле улыбнулся в ответ.

Всеслав Игоревич раскрыл папку и достал оттуда десяток фотографий. Сергей, сообразив, что «зачета» не избежать, сел на стул, собираясь с силами. Надо закрыть глаза, подождать несколько секунд, выровнять дыхание...

Комбриг не торопил. Наконец, когда Сергей почувствовал, что готов, Всеслав Игоревич кивнул и положил на стол первое фото.

Задание оказалось несложным. Сергей, вглядываясь в незнакомые лица, откладывал снимки налево и направо. Большая часть тех, чьи лица он рассматривал, были давно мертвы, а немногие живые находились очень далеко от Столицы.

Наконец он положил направо последнюю фотографию, произнес: «Жив. Очень далеко», – и выжидательно поглядел на Волкова. Тот покачал головой:

– Здорово, Сергей! Зачет принят. Поздравляю. Почти все правильно!..

– Почти?

Сергей невольно огорчился и даже обиделся. Ошибался он редко, особенно в таких простых случаях.

– Последний, – кивнул краснолицый.

Пустельга взял фотографию и вновь всмотрелся, на этот раз очень внимательно. Молодой симпатичный парень в красноармейской форме весело улыбался в объектив. На шинели темнел орден, на рукаве – широкая треугольная нашивка. Сергей еще раз попытался проверить: взгляд в глаза, затем ощущение пустоты, но следом – эхо, легкое, еле заметное...

– Он жив, Всеслав Игоревич! Только такое впечатление, что он либо болен, либо очень далеко.

– Дайте сюда!

Широкая красная ладонь на несколько секунд задержалась над снимком. Волков задумался, покачал головой:

– И все же он мертв, Сергей. То, что вы называете эхом, говорит о другом. Просто люди могут умереть по-разному.

Спорить было неразумно, но Сергей понимал, что эти фотографии – не случайный набор для импровизированного «зачета». Дело есть дело!

– Всеслав Игоревич, извините, – Сергей встал, разложив снимки живых веером по столу. – Здесь три фотографии, у которых одинаковое эхо. Эти люди находятся в одном месте или, по крайней мере, на одинаковом расстоянии от нас...

– Покажите!

Пустельга легко нашел нужные снимки: молодой девушки в нелепых железных очках и юноши, тоже очкарика.

– Берг и Богораз... – негромко проговорил комбриг и скривился. Лицо его внезапно потемнело, став почти бордовым. – Черт... Заходите!

Последнее относилось к полковнику, который приоткрыл дверь и мялся на пороге. Волков быстро сложил фотографии в папку и завязал тесемки. Сергей, не зная, что ему делать, продолжал стоять у стола.

– Товарища Пустельгу никуда не отпускать! Я буду здесь в одиннадцать вечера.

Кадровик послушно кивнул.

– В последний раз, товарищ старший лейтенант... Вы уверены в том, что говорили?

Пустельга не колебался. Он привык отвечать за свои слова.

– Хорошо. Тогда отдыхайте. И учтите: о нашем разговоре – никому. Ни сейчас, ни через десять лет!

Можно было и не предупреждать. О том, где он находится, старший лейтенант Пустельга имел полное представление. Комбриг пожал руку Сергею, и тот ощутил внезапный холод, словно Волков держал все это время пальцы на льду...

Дальнейшее было еще более странным. Кадровик велел подождать за дверью, но через минуту вышел, сообщив, что старшему лейтенанту надлежит пройти в комнату № 318 и находиться там впредь до дальнейших распоряжений. Спорить не приходилось. Вскоре явился молчаливый сержант из внутренней охраны и, кивнув, предложил следовать за ним. Комната № 318 оказалась этажом ниже. Там было пусто, у стены стоял диван, в углу поблескивал умывальник, а на маленькой тумбочке выстроились бутылки «Боржоми». Оставалось одно – точно выполнить приказ, то есть отдыхать и ждать вечера.

Волков зашел за ним в начале двенадцатого. На этот раз комбриг был хмур и неразговорчив. Он коротко бросил: «Пошли!» – и быстро зашагал по пустынному в этот поздний час коридору.

дору. Во дворе ждал автомобиль – огромный черный «паккард» с зашторенными окнами. Молчаливый шофер завел мотор, и машина нырнула в подземный тоннель, выводящий на улицу...

Столицу Сергей помнил плохо и сообразил лишь, что они миновали центр и направлялись куда-то к югу, переехав через один из огромных широких мостов с мощным чугунным парапетом. Комбриг молчал и смотрел прямо перед собой. Молчал и Пустельга. Он попытался «прислушаться» к своему спутнику. Ощущение было странным: Волков явно взволнован и, как показалось, напуган. Но больше всего Пустельгу поразило холод, исходивший от краснолицего. Такое Сергею не приходилось чувствовать ни разу, и он тут же вспомнил ледяную руку, протянутую для рукопожатия. Казалось, тело комбрига не излучает тепло, а жадно поглощает его, замораживая все вокруг...

Машина, вынырнув из лабиринта улиц, помчалась вдоль высокого мрачного забора, за которым проглядывали верхушки недвижных в безветренную ночь деревьев. «Паккард» свернул в широкие ворота, за которыми в свете фар проступили мрачные силуэты каменных крестов. Сергей вспомнил, что уже бывал в этом невеселом месте, но, конечно же, не ночью. Донской монастырь. Кладбище...

У ворот какие-то личности в штатском загородили проход, но комбриг выглянул из машины и путь тут же стал свободен. «Паккард» проехал еще сотню метров мимо молчаливых тихих оград и затормозил.

– Выходим, – коротко распорядился Волков.

Он подождал, покуда Сергей выйдет из машины, с силой хлопнул дверцей и кивнул на боковую аллею. Идти пришлось недалеко. Впереди показались какие-то темные силуэты, Волков взгляделся и, бросив: «Стойте здесь!» – заспешил навстречу.

...Сергей уже начал догадываться, что именно можно искать здесь ночью, и почти не удивился, когда различил, что стоявшие неподалеку фигуры в штатском держат в руках лопаты...

Волков вернулся скоро, причем не один. Его сопровождал крепкий широкоплечий человек в плаще с капюшоном, зачем-то наброшенным на голову, хотя ни дождя, ни ветра не было и в помине.

– Вот он, – комбриг кивнул на ставшего по стойке «смирно» Сергея. Незвестный подождал мгновение, затем протянул Пустельге короткую сильную ладонь.

– Иванов.

Сергей попытался представиться по всей форме, но человек в капюшоне нетерпеливо кивнул:

– Подробности после... Сергей Павлович, вы настаиваете, что человек на фотографии – жив?

– Да. Так точно! – отступить было некуда.

Незнакомец вновь кивнул и задумался.

– Товарищ Иванов, но вы же помните... – подал голос комбриг. – Я был на похоронах... Я видел тело!..

– Знаю... – голос прозвучало равнодушно и тускло. – Я читал заключение экспертизы.

– Дело не в экспертизе! – Волков повысил голос, и Сергей вдруг сообразил, что комбригу действительно страшно. – Я лично всадил ему две пули – в затылок и сердце! Разрывные! В морге, после вскрытия...

– Вы писали об этом в рапорте. Ладно, если товарищ Пустельга настаивает...

Сергей не знал, что сказать. Кажется, история с погибшим красным командиром не так и проста. Впрочем, ответа от него и не ждали.

– Пойдемте! – Иванов повернулся и зашагал по аллее. Через минуту они оказались возле небольшой ограды, которую окружал десяток крепких парней с лопатами и ломом. Тьма скрывала лица, но Пустельге почему-то показалось, что все они какие-то одинаковые: высо-

кий рост, широкие плечи, ленивые, словно нарочито замедленные движения. И вновь повеяло холодом...

– Вот!

Луч фонарика скользнул по серому камню. Сергей тут же узнал фотографию – та же самая, только обведенная потемневшим от времени золоченым ободком. Ниже проступала полустертая надпись:

Комполка Косухин
Степан Иванович
1897–1921
Погиб за дело мирового пролетариата.

Теперь многое стало понятнее. Многое – но не все. Например, две разрывные пули...

Товарищ Иванов коротко бросил: «Начинайте!» Одинаковые парни с лопатами с неожиданной ловкостью начали перелезать через ограду, даже не подумав о запертой калитке. Волков потянул Сергея за рукав, и они отошли в сторону. Краснолицый достал пачку папирос, нервно щелкнул зажигалкой, затем протянул пачку Пустельге. Сергей, бросивший курить еще в колонии, вежливо поблагодарил. Комбриг дернул плечами и отвернулся.

Старшему лейтенанту приходилось бывать на ночных эксгумациях. Правда, сейчас речь шла не о бандите или покончившем с собою шпионе. К тому же его весьма удивил его новый знакомец. Чего боится этот странный комбриг с саперными петлицами?

Волков и вправду нервничал. Недокуренная папироса упала на землю. Краснолицый тут же закурил новую и нервно хмыкнул:

– Чушь! Его хоронили на глазах у сотен людей, Сергей. Мы держали пост у могилы два года!

Пустельга чуть было не спросил: «Почему?», но вовремя прикусил язык.

– Говорил я им! – Волков затанулся и вновь бросил папиросу. – Говорил я им, что его трогать нельзя!..

Теперь все стало ясно. Товарищ Косухин, командир полка и орденосец, погиб не от вражеской руки. Вот только две разрывные пули по прежнему выпадали из расклада.

Внезапно послышался негромкий свист. Волков дернулся и быстро подошел к могиле.

– Сюда! – позвал он через секунду. – Скорее!

Подойдя к разрытой яме, Пустельга первым делом заметил вывороченный из земли памятник. Затем черные спины расступились, на дно упал луч фонаря. Сергей невольно вздрогнул: из земли выступала темная крышка гроба.

Волков, стоявший рядом, сунул руку в карман, и через мгновение луч фонаря упал на тускло блеснувший черный ствол. Пустельга только вздохнул. Интересно, в кого краснолицый собрался стрелять?

Лопаты сбросили землю с крышки. Снова послышался свист, на этот раз полный удивления. Волков чертыхнулся, а Сергей лишь покачал головой – по дереву змеилась широкая трещина.

– Доставайте! – комбриг дернул револьвером. Пустельга постарался незаметно отодвинуться в сторону – от греха подальше. Мертвецов он не боялся, а вот от сумасшедших, особенно с оружием, старался держаться подальше.

Пространство за оградой было узким, мешая развернуться. Наконец, удалось поддеть веревки, и гроб медленно выполз наружу. Кто-то притоптал землю. Мрачную находку поставили рядом с ямой, впритык к ограде.

– Двоим остаться, остальные – прочь!

По этой команде парни один за другим стали выбираться на дорожку. На Сергея вновь повеяло холодом, и вдруг он ощутил странную вещь – молчаливые землекопы тоже боялись...

Двое оставшихся взяли за крышку.

– Открывайте! – выдохнул Волков. Голос его звучал странно, словно он уже знал, что он увидит через секунду.

...Расколотые доски упали на землю, луч фонаря скользнул по истлевшим клочьям ткани, присыпанным комьями глины, затем дернулся в сторону и вновь вернулся, неуверенно дрогнул...

– Значит, все-таки правда... – товарищ Иванов стоял рядом и смотрел на пустой гроб. – Не думал...

– Я же предупреждал! – повторил Волков. – Его нельзя было трогать, он же видел Большой Рубин!

– Отставить! – голос человека в плаще прозвучал словно удар бича. Комбриг вздрогнул и отвернулся.

– Не паниковать! Прикажете осмотреть гроб...

Один из парней нагнулся, светя фонарем, и вдруг, вскрикнув, отскочил в сторону. Второй тоже наклонился, но, не удержав равновесия, сполз в вырытую яму. Иванов покачал головой.

– Сергей Павлович, прошу вас!

На миг старшему лейтенанту стало холодно, затем – жарко. Он на всякий случай расстегнул кобуру и быстро перелез через ограду.

От гроба пахло гнилым деревом и мокрой землей. Кто-то подал фонарь. Сергей склонился, осторожно отбрасывая рукой засохшие куски глины, лежавшие на истлевшей обложке. Ничего... Но вот тут рука коснулась чего-то холодного, прямоугольной формы.

Сергей быстро счистил налипшую глину. Кристалл – правильная призма, тщательно отшлифованная и ограненная. Свет фонаря приблизился, камень заиграл темно-красным светом. Пустельга внезапно заметил, что боковые грани покрыты небольшими странными значками. Буквы, не русские, не латинские, но все-таки знакомые...

– Что у вас? – голос Иванова вывел его из задумчивости. Сергей быстро закончил осмотр, убедившись, что больше в гробу ничего нет, зажал кристалл в руке и перелез обратно через ограду.

– Вот, товарищ Иванов... Больше ничего.

Человек в плаще осторожно взял темно-красный кристалл и поднес к самому лицу. Волков подвинулся поближе и вдруг, охнув, отшатнулся.

– Не ожидали? – понял Иванов и негромко хмыкнул. – Я тоже... Прикажете навести здесь полный порядок. Составите рапорт и перешлете ко мне. Все!

Волков козырнул и повернулся, чтобы отдать приказ парням с лопатами. Товарищ Иванов отошел вглубь аллеи и кивнул Сергею. Тот понял и, подойдя поближе, стал по стойке «смирно».

– Что ж, Сергей Павлович... Ваши подозрения оправдались. От имени правительства выражаю благодарность. Все, что видели сегодня, – забыть. Вопросы?

– Что мне делать, если я его встречу? – ляпнул Сергей, тут же сообразив, что сморозил что-то не то.

В ответ послышался легкий, необидный смех:

– Кого? Косухина Степана Ивановича? Не думаю, что у вас появится такая возможность, товарищ старший лейтенант... Впрочем, ежели встретите, передайте ему от меня привет. Еще вопросы?

Сергей на миг замялся, но затем все же решился.

– Товарищ Иванов! Я по поводу этого камня... рубина. Там есть надпись. Это какой-то восточный язык, буквы похожи на уйгурские...

– Вы специалист? – Иванов явно удивился. – Ах да, вы же служили в Туркестане! В таком случае спасибо за консультацию...

Он кивнул, прощаясь. Сергей поспешил подбросить ладонь к фуражке. Иванов повернулся, но, внезапно остановившись, заговорил, не оборачиваясь:

– Чтоб вас не мучило любопытство, товарищ старший лейтенант... Это не рубин. Это вообще не камень. А оказался он здесь, потому что тот, кто провернул это дельце, хотел оставить нечто вроде визитной карточки. Надпись действительно на восточном языке. Это бхотский, одно из тибетских наречий. Все ясно?

– Т-так... – сказать «точно» Сергей не успел. Темная фигура, стоявшая перед ним, исчезла, словно осенняя ночь поглотила странного незнакомца в плаще...

Через час Пустельга вновь оказался в комнате № 317, правда на этот раз без караула у дверей. Он повалился на диван и мгновенно заснул, решив начисто забыть об этом неприятном деле. Одно было плохо. Сергей понимал, что краснолицый комбриг и таинственный товарищ Иванов едва ли забудут его самого – излишне бдительного старшего лейтенанта из Ташкента.

Второй визит к кадровику прошел совсем иначе. Тот, ни о чем не спрашивая, сразу же направил Сергея к одному из заместителей наркома. Фамилия не была названа, и Пустельга почувствовал себя неуверенно. Приятно, что обыкновенного старшего лейтенанта принимает столь высокий чин, но лучше бы обойтись без этого.

Впрочем, на этот раз Сергею повезло. Заместителем наркома оказался не кто иной, как сам товарищ Фринеvский – давний знакомый, когда-то руководивший его стажировкой в Столице. Фринеvский, теперь уже комиссар госбезопасности, не только узнал Пустельгу, но, казалось даже обрадовался. Во всяком случае, в его привычном: «Чего стал? Садись!» – звучал тот максимум радушия, который был возможен для руководителей такого ранга.

– Все еще старший лейтенант? – покачал он головой, бегло просмотрев документы Сергея. – Ты чего там, проштрафился? Да тебе уже пора майором быть!

Пустельга искренне удивился. Его карьера шла вполне нормально, без всяких сбоев. Правда, он сам неоднократно был свидетелем внезапных «взлетов», но хорошо знал им цену, а главное – последствия.

– Ну что, много басмачей поймал?

Фринеvский улыбался. Можно было не отвечать. Заместитель наркома, конечно, представлял, чем занимается Иностранvный отдел НКВД.

– Ладно... – продолжал замнаркома. – Небось на Украину тянет, домой?

Сергей поспешно кивнул. Сердце екнуло и замерло. Неужели? И в самом деле, зачем он тут нужен, в Главном Управлении?

– Нет, дорогой, не выйдет! Послужишь в Столице. Комнату дадим, паек. По театрам походишь... Не робей, Пустельга, привыкнешь!

Он постучал карандашом по крышке стола, помолчал минуту.

– Для начала направляешься в группу майора Айзенберга. Пока рядовым сотрудником. Вопросы?

Сергей растерялся. Уж чего-чего, а подобного он не ожидал. Было ясно, что здесь он не получит высокой должности, но идти рядовым сотрудником в группу какого-то майора! Ему, в одиночку занимавшемуся всей иностранной агентурой в Туркестане!.. Пустельга понял, что не зря его не тянуло в Столицу.

– Обиделся! – понял замнаркома. – В Ташкенте ты был кум королю, а тут – чуть ли не рядовым «наружником»? Эх ты, провинция! Ладно, слушай...

Фринеvский закурил и начал говорить – негромко, почти шепотом. Сергею приходилось напрягаться, чтобы расслышать слова, гаснувшие в пустоте огромного кабинета.

– Про твои подвиги в Туркестане все знаю, и зря бы тебя с места не сдергивал. Группа Айзенберга – одна из самых ключевых в Главном Управлении. Айзенберг занимается только одним делом, но таким, что тебе еще и не снилось. Месяц поработаешь с ним, а потом...

Он замолчал, словно не решаясь закончить. Наконец заговорил вновь, но еще тише:

– Потом ты его заменишь. Кинем тебе «шпалу», возглавишь группу. А за месяц ты должен полностью войти в курс дела. Учти, Айзенберг ничего не знает и знать не должен. Все понял?

– Так точно! – выдохнул Сергей. Хотелось расспросить про саму группу, но он чувствовал: сейчас не время.

– Все! – подытожил замнаркома. – Беги к Айзенбергу, он в 542-й комнате. Приказ на тебя уже есть. Действуй, дзержинец!

Очутившись в коридоре, Пустельга перевел дух. Хотелось посидеть где-нибудь в укромном уголке, выпить зеленого кок-чая, к которому успел привыкнуть в Ташкенте, и не спеша все обдумать. Но времени не было, и Сергей поспешил в загадочную 542-ю комнату.

Дверь была приоткрыта, оттуда слышался гул голосов. Тянуло табачным дымом, да так, что отвыкший от этого зелья Пустельга затосковал. Он неуверенно тронул дверь рукой и заглянул внутрь.

Здесь действительно курили. Пятеро крепких мужчин, сидели вокруг стола, уставленного стаканами с чаем. При виде Сергея, разговор смолк, и старший лейтенант поспешил отрекомендоваться по всей форме.

– А, товарищ Пустельга! – высокий здоровяк с майорскими петлицами неторопливо вышел из-за стола. Фамилию он произнес правильно, и старший лейтенант сразу же почувствовал себя увереннее.

– Майор Айзенберг, – представился здоровяк. – В курс дела вас ввели?

– Никак нет! – выдохнул Сергей. – Мне товарищ Фринеvский... То есть, он сразу послал меня сюда...

– Ага!

Пустельгу усадили за стол и угостили чаем. Начало ему понравилось.

– Ладно, перерыв! – решил майор. – Ну вот, товарищ старший лейтенант, вы теперь полноценный сотрудник группы «Вандея». Поздравляю!

Странное название резануло слух. В памяти забродили полузабытые с училищной скамьи имена и названия: Робеспьер, Марат, федераты и почему-то герцог де Шуазель...

– Группа занимается поисками антисоветской террористической организации, действующей как в Столице, так и в ряде районов СССР, – продолжал Айзенберг. – По агентурным данным, эта организация носит название «Вандея» по имени французской провинции... Пояснить не нужно?

– Н-нет, насчет Вандеи я помню, – поспешно подтвердил Сергей.

– Как видите, наши отечественные вредители и террористы решили подражать своим давним коллегам... Ну, группа у нас молодая, существуем недолго, так что вы, товарищ старший лейтенант, не опоздали...

Айзенберг говорил уверенно, твердо и, одновременно, доброжелательно. Его тон понравился Сергею, да и сам майор пришелся по душе. И тут он вспомнил, что руководить группой товарищу Айзенбергу остался лишь месяц. И хорошо, если после этого майора пошлют куда-нибудь «на укрепление», хотя бы в тот же Ташкент...

– После поговорим подробнее, а пока – в самых общих чертах... «Вандея» действует в трех направлениях. Первое – диверсии и террор на оборонных и народнохозяйственных объектах. Второе – распространение за пределами СССР порочащей информации о положении в стране. И третье – агентурная разведка. Работают скрытно, грамотно и очень профессионально. По мнению руководства, «Вандея» сейчас представляет наиболее серьезную опасность из всех подпольных организаций на территории СССР...

Сергей ждал продолжения, но Айзенберг явно не спешил, занявшись чаем и с удовольствием затягиваясь «Казбеком».

– Товарищ майор, а если проглядеть кадры наркомата путей сообщения? Я имею в виду сибирские отделения, а также все командировки туда за последние полгода, – вмешался один из сотрудников, коротко стриженный щекастый лейтенант.

– Почему путей сообщения? – оживился Айзенберг, похоже, забыв о новичке.

– Они же должны как-то добираться до места диверсий! Я бы на их месте действовал через железные дороги.

– Уже, – покачал головой майор. – Этим занимаются, товарищ Каганович создал специальную комиссию. Если что-то будет, нам сообщат. Какие еще соображения?

– Так перерыв же, Аркадий Иосифович! – заметил один из любителей чая.

– Верно, – спохватился майор. – Вот видите, товарищ Пустельга...

Похоже, майор собирался пошутить, но оценить начальственный юмор Сергею не пришлось. Дверь – внутренняя, ведущая, очевидно, в другую комнату – отворилась, и на пороге вырос невысокий чернявый парень с мрачным нахмуренным видом.

– Товарищ майор!.. – крикнул он. – Товарищ...

– Что с вами, Карабаев? – удивился Айзенберг. – Чай стынет!

– Корф в Столице! – выдохнул чернявый Карабаев. – Звонили... Только что...

– Как?

Майор вскочил, вслед за ним – все остальные. Кто-то опрокинул стул, послышалась негромкая ругань. Сергей остался сидеть, ничего, естественно, не понимая.

– Звонил Лихачев... только что... – продолжал чернявый. – Корф собирается уезжать... Мещанская, 8, пятнадцатая квартира... Лихачев говорит, что через час Корф...

– Едем! Сватов, машину!

Майор уже пришел в себя и теперь деловито пристегивал к поясу кобуру. Кто-то, очевидно, упомянутый Сватов, уже снял телефонную трубку и кричал в нее: «Алло, алло? Коростылев, ты?»

В комнате закипел водоворот. Сергей поспешил отступить к стене, чтобы не мешать. Впрочем, все было готово за несколько секунд. Сотрудники проверили оружие, Сватов докричался до Коростылева, потребовав у него не один, а целых два автомобиля, и Айзенберг уверенно бросил: «Пошли!»

Сергей втиснулся во вторую машину. Рядом с ним оказался тот самый невысокий чернявый парень. Сергей поспешил представиться.

– Лейтенант Карабаев, – с достоинством ответил чернявый и, подумав, добавил: – Прохор Иванович...

Сказано это было с нескрываемым самоуважением. Сергей безошибочно определил, что молодой лейтенант явно из деревни, в город попал недавно, вдобавок, судя по выговору, сибиряк.

– Прохор Иванович... – Пустельга не удержался, чтобы не назвать парня по имени-отчеству, даже скопировав его интонацию. – А кто этот... Корф?

– Ну... в розыске он, – нахмурившись, пояснил лейтенант. – Во всесоюзном... В общем, вражина.

Он помолчал, давая Пустельге время оценить, какой вражиной является этот самый Корф.

– Есть мнение, – еще более веско добавил он, – Корф в «Вандее» – первый человек. Мы по его связям прошли. Лихачев вот позвонил – сосед его бывший... Проявил сознательность...

Кое-что прояснилось. Итак, группа собирается задержать предполагаемого руководителя террористической организации «Вандея» Корфа, которого, как уточнил Карабаев, звали Владимиром Михайловичем.

Автомобили мчались, не обращая внимание на светофоры. Постовые на перекрестках спешили пропустить авто с приметными номерами. И вот наконец за окнами замелькали оживленные тротуары большой, наполненной людьми улицы.

– Туточки он, – неодобрительно заметил Карабаев. – И название какое – Мещанская! Чистый капитализм!..

Сергей уважительно поглядел на молодого лейтенанта. Сам он в значительной мере уже утратил подобную непосредственность.

Первая машина пристала к обочине, следом за ней затормозила вторая. Сотрудники уже выскакивали наружу, на ходу доставая оружие.

– Этот подъезд?

– Нет, этот!..

Нужный подъезд был найден быстро. Квартира номер 15 оказалась на четвертом этаже.

– Карабаев, на пятый! Никого не пропускать! Но только тихо, тихо... – распорядился майор. Лейтенант откозырял и пропал в темноте подъезда. Айзенберг оглянулся:

– Пустельга! Останетесь у подъезда. Никого не пускать! Будет стрельба – оставайтесь на месте. Ясно?

– Есть!

Кажется, Сергея принимали здесь за желторотого стажера. Но не спорить же в подобной ситуации! Тем временем майор собрал у входа четверых оставшихся сотрудников.

– В дверь звонить не будем. Сразу же выбиваем и врываемся. Берем всех – живыми! Алексеенко, готов?

Алексеенко – румяный здоровяк метра два ростом повел могучими плечами и кивнул. Очевидно, вышибание дверей входило в его обязанности.

– Повторяю: всех – живыми! Поняли? Ну, вперед!

Группа исчезла в подъезде. Пустельга вздохнул и на всякий случай проверил револьвер. Он не обижался на майора. В конце концов, кто-то должен стоять у подъезда, и вполне логично поручить это сотруднику, который числится в группе меньше часа. Но все равно, такое начало было не по душе старшему лейтенанту. Ему, лично пробравшемуся в Яркенд, завербовавшему самого атамана Юровского, создателю агентурной сети в китайской Кашгарии, стоять «на стреме» и вежливо просить бабушек не входить в подъезд, объясняя, что идут газосварочные работы!... Что ни говори, положение не из завидных. Правда, Сергею нечего было и думать, чтобы высадить дверь, подобно розовощекому Алексеенко. Но как врывать под выстрелами в квартиры и брать ополоумевших врагов живьем, Пустельга знал и умел не хуже прочих.

Минуту-другую наверху было тихо. Затем послышался грохот и треск – вероятно, товарищ Алексеенко приступил к выполнению своих прямых обязанностей. Сергей поморщился. Будь он на месте майора, то предпочел бы обойтись без излишнего шума. Дверь следовало открыть тихо и аккуратно, а еще лучше – обойтись без вторжения и проследить за квартирой, пока таинственный Корф пожелает выйти. Пустельга проводил бы Корфа до вокзала, подождал пока тот сядет в поезд, и даже тут не спешил бы арестовывать...

Грохот наверху усилился. Сергей машинально отметил, что дверь, вероятно, попалась с характером. Он с тревогой ожидал выстрелов, но кроме грохота и треска ничего пока было не слышать. Пустельга отошел на пару шагов, попытавшись определить, какие из окон – те, нужные. Он заметил пожарную лестницу, прикинув, что надо проследить, дабы Корф не попытался уйти подобным романтическим, но порой достаточно эффективным способом. В практике Сергея такие случаи бывали. Однажды самому пришлось удирать – правда, не по лест-

нище, а по старой, распадающейся под руками веревке. И уходил он не из окна четвертого этажа, а с верхней площадки старинной, сложенной из серого камня, башни...

...Удар пришелся по глазам. Сергей зажмурился – и тут же ударило по ушам, беспощадно, страшно. Пустельга, едва устояв на ногах, поспешил разлепить веки. Из окон проклятого дома медленно-медленно, словно в неудачной киносъемке, выпадали стекла, а там, где был четвертый этаж, не спеша вздувался огромный черно-оранжевый волдырь, разбрасывая во все стороны бесформенные ошметки и клочья. Из подъезда ударил зловонный дым, земля дрогнула, откуда-то раздался первый, еще неуверенный крик...

Пустельга прислонился к стене и несколько секунд просто ждал, пока отзвенят выбитые окна, перестанет трястись тротуар, пока не станет ясно главное: устоял ли дом и не поглотит ли его потревоженная земная твердь.

...Пахло гарью. Где-то наверху уже горело, вокруг кричали люди, а Сергей медленно, сжимая в руке совершенно бесполезный револьвер, поднимался по лестнице. Он дошел лишь до третьего этажа и остановился. Дальше дым стоял сплошняком, слышался треск огня, что-то шипело, булькало. Внезапно мутная стена дыма на миг разошлась, и сквозь нее рухнул кто-то в знакомой светлой форме, покрытой грязными черными пятнами.

– Лейтенант?

Узнать в этом задымленном, чуть живом человеке Прохора Ивановича Карабаева было мудрено. Тот замотал головой, прислонился к стене, прохрипел:

– Они... все... там! Командуйте, товарищ старший...

И тут Пустельга понял все. Ни майора Айзенберга, ни его группы больше нет. Остался лишь этот серьезный не по годам лейтенант, контуженный, но все же живой – и он сам. И теперь именно он, старший по званию, должен расхлебывать это адское варево.

– Телефон... – негромко проговорил Сергей, а затем, закричал обращаясь к обгорелым мрачным стенам:

– Телефон! Товарищи, у кого есть телефон?!

В квартиру номер 15 удалось зайти только через два часа, когда пожарные уже собирали свои шланги, а эвакуация жильцов разоренного подъезда подходила к концу. Первым в пролом, оставшийся на месте двери, вошел мрачный Фриневский, приехавший почти сразу же и неотлучно находившийся возле дома все это время. Пустельга шел следом, остальные, в том числе вызванные эксперты – за ними.

Под ногами дыбился обгорелый кирпич, поперек прохода лежала рухнувшая балка. Люди, которые совсем недавно врывались в эту квартиру, полные сил и уверенности в себе, сгинули. Лишь через несколько минут кто-то наткнулся на высунувшуюся из-под обломков почерневшую руку...

– Адская машина... – пожилой эксперт быстро огляделся и дернул щекой. – Хитро придумали, сволочи! Стояла не у входа, а в конце коридора. Чтобы всех сразу...

Фриневский велел разбирать руины. Надо было определить хотя бы основное – был ли в квартире кто-нибудь в тот момент, когда силач Алексеенко принялся взламывать дверь.

– Ну, вот вам и боевое крещение, – замнаркома невесело усмехнулся, протянув Пустельге пачку «Казбека». Тот помотал головой, хотя курить захотелось сильно – впервые за несколько лет. – Что, старший лейтенант, в такое дерьмо еще не вляпывались?

– Нет, не вляпывался... Как же это?

– А вот так! – жестко отрезал Фриневский. – Товарищ Айзенберг не справился с заданием. Теперь придется справляться вам.

Сергей удивленно взглянул на замнаркома.

– Что? Забыли? – удивился тот. – Наша договоренность остается в силе. Теперь, товарищ Пустельга, вы – руководитель группы «Вандея». Насколько я понял, с обстановкой вы уже ознакомились?

– Да, – кивнул Сергей, бросив взгляд на черный провал в стене, откуда еще шел дым. – Ознакомился...

Глава 3. Конвейер

Кабинет следователя походил на обыкновенную камеру. Стены белели свежей известью, деревянный некрашеный стол стоял как-то косо, единственный табурет, намертво привинченный к полу, был густо заляпан чем-то темным. Даже лампочка под потолком была без абажура, свисая на длинном перекрученном проводе. В углу белел умывальник, рядом с которым на обыкновенном гвозде висело несвежее вафельное полотенце. Сам следователь, молодой парень в сером пиджаке с плохо выбритой физиономией сидел за столом и, чуть скривившись, листал толстую папку.

Шел третий день ареста. Юрий Орловский уже успел немного прийти в себя. Такое приходилось переживать – десять лет назад, когда его, еще студента, так же бросили в черное авто с завешенными окошками и отвезли в Большой Дом. Тогда его держали в маленькой камере вместе с пожилым нэпманом, постоянно жаловавшимся на происки районного фининспектора и скверный тюремный паек. В тот раз Орловского продержали недолго, всего четыре дня, а затем столь же неожиданно выпустили.

Теперь все было не так. Камера оказалась огромной, переполненной людьми. Юрию досталось место на «втором этаже», на узких деревянных нарах размером с вагонную полку. В камере стоял постоянный полумрак и, что было неожиданно, почти полная тишина. В основном там собралась интеллигентная публика – люди в мятых пиджаках с белыми, без кровинки, лицами. Но были и военные, в форме, но со споротыми петлицами. Вид у всех был, естественно, невеселый, но, к своему облегчению, Орловский не заметил ни у кого неизбежных в подобном месте синяков, ссадин и прочих следов проведения следствия. То ли жертвы успевали признаться заранее, то ли в этой камере держали тех, кого предпочитали «обрабатывать» без излишнего рукоприкладства. Впрочем, Юрий не обольщался.

Людей постоянно вызывали – одного за другим. Уходили молча и так же молча возвращались, правда, далеко не все. Конвейер работал, и Юрий окончательно понял то, о чем ему неоднократно говорил Терапевт: отсюда, из Большого Дома, не выходят. Огромная, отлаженная машина, не спеша, основательно, перемалывала всех, попадавших в ее жернова.

Итак, ему не выйти. На это Орловский и не рассчитывал. Вопрос был другим: что здесь знают о нем? Если они пронюхали о его книге, то выбора не было: придется умирать – и умирать молча. Но если Терапевт и его неведомые друзья не ошиблись, и он просто очередная жертва неостановимых жерновов, то речь, очевидно, пойдет о чем-то ином: то ли о вредительстве в Историческом музее, то ли о рассказанном пару лет назад анекдоте. А в этом случае еще можно было побарахтаться, признаться в какой-нибудь полной ерунде, покаяться. Плохо одно – в любом случае от него потребуют имена. А тут начиналась стена, через которую Юрий перешагнуть не мог, даже спасая себя и тех, кто с ним связан.

Его вызвали на третий день, но, похоже, и теперь следователю было не до него. Он листал бумаги, морщился и вздыхал. Наконец негромко ругнулся и поднял глаза на Юрия:

– Че, Орловский? Ладно, садись...

Из папки был извлечен относительно чистый лист бумаги. Следователь отвинтил колпачок ручки и, вновь скривившись, поглядел на Юрия:

– Слышь, Орловский, может, сам напишешь?

– Я... – удивился Юрий. – О чем?

– Ну, понеслось! – следователь дернул подбородком. – Знаешь, Орловский, я об тебя руки марать не буду. Я тебя засуну в карцер дней на пять – и ты, проблядь троцкистка, мне целый роман напишешь. В стихах, бля!

– Но о чем? – паразился Юрий, ожидавший все-таки чего-то другого.

– О своей антисоветской вражеской деятельности в составе нелегальной троцкистской организации, гражданин Орловский! Напоминаю, что чистосердечное признание... Ну и так далее...

Слово «троцкистская», произнесенное уже второй раз, удивило. Троцкого, как и прочих «героев Октября», Юрий искренне ненавидел.

– Ладно, – следователь обреченно вздохнул. – Не хочешь по-хорошему, значит?.. Фамилия?

Оставалось сообщить очевидное – что он, Орловский Юрий Петрович, 1904 года рождения, русский, из дворян, образование высшее, беспартийный, привлекался, последнее место работы...

– А теперь сообщите о своей антисоветской деятельности в Государственном Историческом музее, – предложил следователь и вновь скривился.

Можно было вновь переспросить, можно – возразить и протестовать, но Юрий решил:

– Признаюсь, гражданин следователь. Готов дать подробные показания по сути предъявленных мне обвинений.

– Как? – вскинулся тот. – По сути? Ну и словечки подбираешь, Орловский! Ладно, признаешься, значит. Хоть это хорошо... Ну, давай, колись, контра!

– Прошу предъявить мне конкретные обвинения, – негромко, но твердо произнес Юрий.

– Чего? – вскинулся следователь. – Ишь чего захотел, сволота дворянская! Да твои дружки – Иноземцев и Кацман – давно уже про тебя, гада, рассказали!..

Юрий похолодел. Вася Иноземцев и Сережа Кацман – именно этих молодых ребят он защищал несколько дней назад на том последнем собрании, когда мерзавец Аверх обвинил их во вредительстве...

– Признаюсь... – кивнул Юрий. – Я участвовал в деятельности нелегальной контрреволюционной... троцкистской группы...

– Ага... – энкаведист принялся водить ручкой по бумаге. – Ну, и в чем заключалась эта ваша... деятельность?

– Я... я подготовил вредительскую экспозицию...

– Чего?

Юрий с трудом сдержал усмешку. Этот бред он услышал от все того же Аверха пару месяцев назад.

– Я заведовал фондом № 15. Мы готовили новую экспозицию по созданию русского централизованного государства. Я подобрал экспонаты таким образом, чтобы преувеличить роль эксплуататорских классов в создании Московской Руси и преуменьшить роль трудового народа. В экспозицию я сознательно включил книгу троцкистского историка Глужского, используя ее в качестве пропагандистского материала...

Именно в подобных выражениях изъяснялся тогда товарищ Аверх.

– Так... – следователь оглядел написанное и почесал затылок:

– Какие указания вы, гражданин Орловский, давали вашим сообщникам Иноземцеву и Кацману?

– Я... не давал никаких указаний Иноземцеву и Кацману. Они работали в музее всего месяц...

– Угу, угу, – покивал энкаведист. – А почему же ты, проблядь, защищал их на собрании? Из доброты, бля, душевной? Ох, Орловский, отправлю я тебя все-таки в карцер. Там и не такие, как ты, мягчали... Может, ты скажешь, что и профессор Орешин, бля, не в вашей коdle?

...Этого Юрий не ожидал. Александр Васильевич Орешин, блестящий знаток нумизматики, каким-то чудом уцелевший в горниле «чисток», всегда вызывал у него восхищение. Еще в студенческие годы Орловский читал статьи профессора, а позже часто беседовал со стари-

ком в его тихом кабинете, где со стендов тускло отсвечивали древние монеты – молчаливые свидетели прошлого...

– Я ничего не знаю про антисоветскую деятельность профессора Орешина, – Юрий посмотрел следователю в глаза. – Антисоветскую работу в музее я вел сам.

Внезапно энкаведист хихикнул и даже подмигнул:

– Ну, нет сил на тебя сердиться! Юморист, бля! Только что признал, интеллигент паршивый, что состоял в организации – а работал один!..

Юрий мысленно согласился – получалось нескладно. Но не «отдавать» же им ребят и Орешина!

– Я тебя, конечно, понимаю, – продолжал следователь. – Ты, бля, умный, кодекс читал. Хочешь по тихому получить свои 58 через 10, срубить «червонец» и – тю-тю! Нет, хрен тебе! Ты у меня, проблядь, получишь для начала 58 через 11, а если и дальше будешь тянуть, то и КРТД – на полную катушку!

Кодекс Юрий знал плохо. Статья 58, пункт 10, осуждала за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Пункт 11-й, вероятно, еще хуже. Что касается «КРТД», то предположить можно было что угодно. «КР» – «контрреволюционер», «Т» – «троцкист» или «террорист», «Д» – «диверсант»...

Следователь ждал. Наконец он покачал головой и хмыкнул:

– Колись, колись, Орловский! Тебя ведь эти контрики на первом же допросе заложили. И Орешин, как возьмем его, тоже враз расколется. А так – помощь следствию, туда-сюда. Глядишь, отделаешься «четвертаком»...

Орловскому на миг стало легче. Значит, Орешин еще на свободе?

– Ведь что самое обидное, Орловский, – голос энкаведиста внезапно стал тихим, почти что задушевым. – Главным ты там не был: кишка у тебя, интеллигента, тонка. А на полную катушку получишь именно ты. И знаешь почему? Ну так я тебе скажу. Они тебя, бля, использовали. Понял? И сейчас используют. Ты что, думаешь, мы твой тайник не нашли? На, читай!

Он ловко выхватил из недр папки какой-то листок и швырнул через стол. Юрий, успев поймать документ, осторожно заглянул в него. В глаза бросилось: «Протокол обыска». Число памятное – то, когда состоялось проклятое собрание. И обыскивали не что-нибудь, а фонд № 15, которым он заведовал. Не иначе, Аверх расстарался – пригласил, показал...

Первые же строчки заставили похолодеть. Юрий читал долго, затем стал перечитывать, не веря своим глазам.

– Понял? – вновь хихикнул следователь. – Так что это уже тебе не 58 через 10! Тут, бля, другим пахнет!

Орловский помотал головой и проговорил медленно, словно произнося заклинание от нечистой силы:

– У меня в фонде... Ни в ящике стола... ни в другом месте... не хранилось никакой троцкистской литературы.

– Ага! Значит, бля, мы тебе ее подбросили! Или ее хранили без твоего ведома, так что ли?

Кроме Юрия в фонде работали еще двое – пожилые женщины, абсолютно не интересовавшиеся политикой. Нет, это какая-то ерунда, чушь!

– Желаешь взглянуть? – следователь отодвинул ящик стола. – Чтоб не подумал, что мы, бля, блефуем!..

– Да, – кивнул Орловский. – Желаю.

Через мгновение в его руках был большой конверт из скверной оберточной бумаги. Внутри находилось что-то четырехугольное, плоское... Протокол не лгал. Небольшие, аккуратно отпечатанные брошюры: Троцкий Л.Д. «Уроки Октября». Семь штук, как и указано в документе...

Брошюры были старые, изданные еще в 24-м. Да, такого хватит за глаза для любого приговора... Юрий бегло осмотрел конверт – самый обычный, без надписей, с небольшим браком – зубчиком на верхнем краю. Конверт внезапно показался знакомым, но мало ли ему приходилось встречать подобной канцелярской мелочи?

– И чего получается? – продолжал следователь. – Если будешь молчать, то, выходит, конвертик твой. В общем, колись, Орловский, в последний раз тебе говорю! Кто тебе передал его? Для кого? Ну?

Мысли мелькали, цепляясь одна за другую. Подбросили при обыске? Но зачем? Чтоб засадить его, дворянина, из «бывших», можно было поступить куда проще. Значит?

– Гражданин следователь... – Юрий постарался, чтобы голос звучал как можно увереннее и тверже. – Прошу дать мне время – до завтра. Завтра утром я все расскажу...

– Завтра, завтра, – скривился энкаведист. – Ты чего думаешь, ночью к тебе ангел небесный явится и спасет? Хрен тебе, не явится!

Следователь спрятал улику обратно в ящик стола и быстро перелистал бумаги:

– Работы еще, бля... А я с тобой вожусь, проблядью троцкистской... Ладно, хрен с тобой, Орловский, поверю. Но завтра – учти! – вилять не дам! Будут тебе цветочки, а опосля – и ягодки. Понял?

– Да, – кивнул Юрий, думая уже совсем о другом. – Понял...

Этой ночью в камере было неожиданно шумно. Привели нескольких новичков, которые, еще не остыв и не придя в себя, громко возмущались, требуя освобождения и желая немедленно, сию же секунду, писать письма товарищу Ежову и товарищу Сталину. Впрочем, шум не мешал. Наконец-то можно было подумать спокойно, не торопясь...

...«Они» не знали главное – кем был действительно хранитель фонда № 15 Юрий Петрович Орловский. Не знали о книге, о тех, кто помогал собирать материал, о неизвестной машинистке, перепечатававшей текст... Юрия арестовали «просто так», вместе с десятками и сотнями других «врагов». Значит следовало признаться, получить неизбежный «червонец» или «четвертак»...

Это было просто. Достаточно подписать любую глупость, и адский конвейер для Юрия закончится в тот же день. Но это значит оговорить двоих ребят, которых он сам же защищал несколько дней назад! Сергея и Василия не спасти, но может, его показания станут решающей каплей, когда суд будет выбирать между «червонцем» и «четвертаком». И был еще профессор Орешин...

Орловский понимал, что у следователя уже есть готовая схема троцкистской организации в Музее. Орешину отводится роль руководителя, Юрий – хранитель «почтового ящика», а молодые ребята – исполнители «вредительских» поручений. Схема очевидно подсказана тем же Аверхом. Ни следователя, ни парторга не смущало, что никто из арестованных и подозреваемых никогда не был троцкистом и не состоял в ВКП(б). Достаточно к слову «троцкист» добавить определение «тайный».

А главное – конверт. Семь брошюрок с ненавистной фамилией на обложке. Самое жуткое, что Орловский ничего не мог возразить. Это его фонд, его кабинет и его стол...

Он еще раз вспомнил брошюрки, отпечатанные на скверной тусклой бумаге, чуть пожелтевшие от времени, но чистые, вероятно, нечитанные. Затем конверт – грубо склеенный, с заметным рубчиком в верхней части. Не отвертеться! И одновременно, это был единственный шанс что-то изменить. Ни профессор Орешин, ни Иноземцев с Кацманом, ни две его помощницы из фонда не имели к конверту никакого отношения. Значит... Значит, следовало найти того, кто очень хотел видеть Юрия в составе «антисоветской троцкистской группы»!

Орловский прикрыл глаза и начал вспоминать – неторопливо, обдумывая каждую подробность. Итак, Музей...

...Он попал туда в сентябре 1935-го. В мае, как раз перед летним отпуском, в Институте Народов Востока заговорили о реорганизации. Ни сам Юрий, ни руководитель сектора истории и культуры дхарского народа Родион Геннадьевич Соломатин не придали этому никакого значения. Но в начале июня внезапно вышел приказ. Секторы объединились – и вскоре выяснилось, что для сотрудников дхарского сектора места не предусмотрены. А еще через неделю Родион Геннадьевич исчез. Вскоре были арестованы и остальные сотрудники. Позже Юрий узнал, что одновременно были распущены Дхарское культурное общество и все пять дхарских школ.

Юрий ждал ареста. Тогда он уже работал над книгой и поэтому поспешил отдать все материалы Терапевту. Клава – его жена, с которой он расписался еще в 32-м, не выдержала безденежья и страха. Они развелись, Юрий оставил ей комнату на Ордынке, а сам поселился у «тетки» – двоюродной бабушки – в ее маленьком флигельке...

Тогда все обошлось. К сентябрю Юрий немного успокоился и вновь начал работу над книгой. Жизнь стала налаживаться. Каким-то чудом он сумел прописаться в «теткином» флигеле, с деньгами помог Терапевт, а в сентябре он сумел вновь устроиться на работу. Уже позже он узнал, что в этом ему поспособствовал Флавий, – негласно, через верных знакомых. К этому времени Орловского уже знали, его статьи были достаточно известны, поэтому дирекция без особых возражений доверила ему один из фондов.

В Музее было спокойно и тихо. Можно было даже игнорировать собрания, не интересоваться «общественной жизнью» и заниматься делом. Но вскоре все изменилось. В Музее появился новый парторг – Соломон Исаевич Аверх. Никто не знал его раньше, но Аверх гордо именовал себя профессором и даже ссылаясь на какие-то свои исследования, напечатанные еще в 20-е. Однажды Орловский ради интереса перелистал старые журналы: Аверх печатал статьи о «мировом революционном процессе» и «беспощадной борьбе» с разного рода «уклонами». Впрочем, научные изыскания были для «красного профессора» уже в прошлом. Сейчас его интересовало другое.

Через неделю после избрания Аверх созвал общее собрание. Парторг обвинил руководство Музея в «мягкотелости», «потакании врагу» и, естественно, в «тайном троцкизме». На следующий день директор Музея был арестован, вскоре взяли – одного за другим – его заместителей, а затем коса пошла по рядовым сотрудникам. Юрия не тронули, но месяца через два его вызвал начальник 1-го отдела Духошин. Этот маленький, лысый и очкастый тип появился в Музее одновременно с Аверхом. Поговаривали, что они знакомы еще с гражданской. Во всяком случае, скоро уже никто не сомневался, что именно Духошин собирает столь необходимые Аверху для его «обличений» данные.

Начальник 1-го отдела предложил Юрию подписать бумагу о сотрудничестве и регулярно информировать о поступках и высказываниях коллег. Отказ удивил, но уговаривать Духошин не стал, отпустив Орловского с миром. А вскоре произошел эпизод с новой экспозицией. Аверх со вкусом разобрал по косточкам все мелкобуржуазно-дворянско-троцкистские уклоны, в которые впал «гражданин Орловский».

Через несколько месяцев Духошин вызвал Юрия и вновь предложил сотрудничать. Это случилось накануне очередного «разоблачительного» собрания. Орловский опять не согласился; начальник 1-го отдела сочувственно покачал головой, но ничего не сказал.

Сережа Кацман и Вася Иноземцев, недавние выпускники университета, работали в отделе, которым руководил сам Аверх. Что-то там произошло, поговаривали, что они возмутились какой-то очередной глупостью, которую изрек Соломон Исаевич. За два дня до собрания Аверх столкнулся с Юрием в коридоре, поинтересовался его делами, чего не случалось еще ни разу, и внезапно предложил выступить против «некоторых научно некомпетентных сотрудни-

ков», которые, по его мнению, ведут в Музее вредительскую работу. Орловский тогда ничего не понял и предпочел побыстрее закончить неприятный разговор.

Все стало ясно на самом собрании. Аверх выступил с докладом, обрушившись на «банду вредителей-троцкистов», которые «свили гнездо» в стенах Музея. Когда он назвал фамилии, в зале повисло тяжелое безнадежное молчание. Кацман и Иноземцев сидели белые; вокруг них уже начал образовываться вакуум – стулья пустели, словно ребята внезапно заразились чумой. И тогда Юрий не выдержал...

...Его речь, конечно, ничего не изменила. Аверх вновь оседлал трибуну, тут же возведя в «троцкисты» самого Орловского. Затем, как и полагалось, на голосование был поставлен вопрос о возможности пребывания «банды вредителей» в числе сотрудников Музея. Руки взметнулись единогласно – впрочем, за одним исключением. Профессор Орешин, все собрание, казалось, дремавший, голосовал против...

Дальнейшее было очевидно. Аверх или Духошин позвонили в Большой Дом, последовал обыск, затем во дворе появились парни в одинаковых костюмах. Итак?

Итак! «Qui prodest» – римское право давно нашло верную формулу. Единственным человеком, которому было выгодно разоблачение «троцкиста» Орловского, был товарищ Аверх...

Юрий еще раз вспомнил содержимое конверта. Будь он действительно троцкистским нелегалом, то хранил бы не старые брошюры, а кое-что поновее – хотя бы экземпляры «Бюллетеня оппозиции», издававшиеся изгнанником в Париже или его нашумевшую книгу о сталинской школе фальсификации. Но те, кто спешил «подставить» Орловского, очевидно, сами не имели подобной литературы. Зато у них было кое-что из старого троцкистского хлама.

И тут Юрий вспомнил случайный разговор, слышанный еще год назад. Один из его коллег с горькой усмешкой заметил, что Аверх старается, дабы замолить собственные грехи. В 20-е годы будущий «красный профессор» сам был активным троцкистом. Если это так, то понятно, откуда взялись нечитанные экземпляры «Уроков Октября»! Однако это не доказательство, Юрия просто обвинят в клевете. Брошюрки перевешивали любые умозаключения. Так сказать, «corpus delicti». Брошюрки... Семь книжечек в сером, неважно склеенном, к тому же бракованном конверте. Да, конечно!..

...Конвертов в мире много, но этот имел характерный рубчик – и этот рубчик не выходил из головы. Юрий уже видел конверт с таким точно браком, причем совсем недавно. Оставалось вспомнить – где.

Дома... Нет, в его флигеле таких больших конвертов вообще не было. К Терапевту он не заходил больше трех месяцев. В гостях? Нет, он давно не бывал в гостях...

Оставалась работа – его Музей. Юрий начал тщательно вспоминать. Фонд... У него лежал запас больших конвертов, но они были другие – из белой бумаги, без всякого брака. Соседний фонд... Канцелярия... Не то!..

Перед глазами вставали одинаковые столы, груды папок, высокие шкафы у стен... Нет, не получалось. Конвертов с рубчиком не было ни у его коллег, ни в дирекции, ни в канцелярии.

Орловский закусил губу, стараясь сообразить, в чем ошибка. Может, стоило не вспоминать чужие столы, а представить себе сам конверт. Вернее, конверты – он вдруг понял, что видел не один такой, а целую грудку. Они лежали в беспорядке, и Юрий еще подумал, что в подобном заведении такой брак, наверное, недопустим...

«В подобном заведении»... Он вспомнил!

Орловский по-прежнему лежал, закрыв глаза и не двигаясь. На душе было легко, словно все беды остались позади. Теперь ему есть что сказать следователю. Завтра же он расскажет правду...

И тут Юрий оборвал себя. Правду? Ну уж нет! Не он поднял первым меч! И теперь пусть те, кто решил поплясать на его костях, получат сполна. Вспомнилось лицо следователя – типич-

ного недоумка с трехклассным образованием. Ему нужна группа врагов народа? Он ее получит!..

Мелькнула запоздалая мысль о том, что так поступать все же нельзя. Ведь он все-таки интеллигент, дворянин, есть какой-то предел... Но Юрий тут же представил себе наглую, щекастую физиономию Аверха и зло усмехнулся. Нет, хватит бесполезной болтовни! Иного оружия не будет, а его бой не закончен. Песчинка попала в жернова – что ж, и от нее останется царапина...

Юрий заснул крепко, без сновидений, и надзирателю пришлось тряхнуть его за плечо, когда пришло время идти на допрос.

– Че так долго?

От следователя несло дешевым одеколоном и чем-то, напоминающим карболку.

– Заспался, что ли? – энкаведист открыл папку, перелистал бумаги и выжидательно поглядел на Юрия. Пора начинать.

– Я... Да... Заснул лишь под утро...

– Думал? – усмешка была снисходительной, ленивой.

– Да... Я думал... Понимаете, гражданин следователь... Это трудно...

– Вот еще, трудно! – возмутился тот. – Как, бля, против власти рабочих и крестьян шкандить – так не трудно, да? Ладно, колись, Орловский, колись...

– Гражданин следователь, – Юрий вздохнул, стараясь не глядеть врагу в лицо: глаза могли выдать. – Мне... Мне страшно, понимаете? Они... они сказали, что достанут меня везде, даже тут. У них всюду свои люди...

– Это у кого же? – в голосе промелькнула настороженность. – У Кацмана твоего, что ли?

– Нет, не у него... У главного.

– Ну-ну, – подзадорил следователь. – И кто это там у вас главный?

Тут следовало сделать небольшую паузу. Юрий еще раз вспомнил подготовленную байку. Самое забавное – если что либо могло быть забавным в этом адском месте, что все в ней – или почти все – правда...

– Дайте, пожалуйста, конверт.

Через секунду конверт был у него в руках. Орловский еще раз поглядел на зубчик и даже коснулся его пальцем...

– Этот конверт положил мне в стол гражданин Духошин.

– Кто?! – вопрос был быстрый, словно молния.

– Духошин... Я не помню его имя и отчество. Он начальник 1-го отдела Музея. Я понимаю, вы мне не поверите. Я докажу... Вот, смотрите: этот конверт – бракованный...

...Именно такие конверты Юрий заметил на столе у Духошина. Начальник 1-го отдела уговаривал Орловского начать сотрудничество, а Юрий, чтоб не смотреть ему в глаза, глядел в сторону – на бумаги, громоздившиеся на столе...

Следователь не перебивал. Перо летало по бумаге. Да, похоже, клюнуло, надо жать дальше...

– Духошин давно хотел меня завербовать. Он грозил мне, гражданин следователь! Говорил, что я дворянин, меня будет легко уволить при первой же чистке...

...Чистая правда! Именно так изъяснялся Духошин.

– Пока это все слова, гражданин Орловский, – следователь оторвался от протокола и с сомнением взглянул на Юрия. – Все-таки начальник 1-го отдела...

– Так в том-то и дело! Понимаете? – Юрий даже вскочил, а затем, словно обессилев, рухнул на стул. – У них там целая банда! Они вербуют сотрудников – и все боятся!..

– Стоп! Ты вот что, успокойся! Ты их не бойся, Орловский. Ты, бля, нас бойся!

– Да, да, конечно... Извините, мне действительно страшно... – Юрий перевел дух, решив, что пора выдавать главное. – В Музее действительно есть группа врагов народа... троцкистов. Они имеют задание истреблять честных сотрудников, коммунистов и беспартийных, чтобы ставить на их место своих людей. Ведь Музей находится рядом с Главной Крепостью, оттуда простреливается вся площадь. Если они сумеют контролировать здание Музея...

– Е-мое! А ведь правда!

Кажется, мысль о стратегическом положении главного Столичного Музея пока не приходила в голову следователя. Орловский закусил губу, чтобы не улыбнуться.

– Они действуют в Музее уже около года. За это время им удалось скомпрометировать очень многих. Всех тех, кто не желал сотрудничать, они обвиняли во вредительстве. Им все верили...

...И это – тоже правда.

– Меня завербовали... Но Кацман и Иноземцев вызвали почему-то подозрения, и их решили убрать...

– А чего ты выступал в их защиту?

Это был, действительно, опасный вопрос. Но не слишком.

– Мне приказали. Я должен был выступить, а собрание – меня поддержать. Якобы для того, чтобы этих ребят просто напугать, сделать податливыми для вербовки. Мне так обещали, гражданин следователь! Только сейчас я понял, что меня тоже решили убрать. Но я не мог отказаться, понимаете? Они сказали, что меня найдут даже здесь. Еще им мешал профессор Орешин, его тоже решили скомпрометировать.

– Постой, Орловский, – следователь дописал строчку и стукнул ребром ладони по столу. – Что ты заладил: «они, они»! Ты фамилии называй!..

– Я... всех не знаю... Это же тайная группа, гражданин следователь! Но я знаю главного... самого главного... Это бывший троцкист – еще с 20-х...

– Фамилия!

Юрий молчал. Интересно все же, поверил или нет? Наверное, еще нет. Во всяком случае, не до конца...

– Фамилию говори! Ну? Чего молчишь, проблядь?

...Удар был короткий, почти без размаха. Юрий упал на пол, боль затопила голову...

– Вставай, вставай!..

Орловский медленно встал. Энкаведист был рядом, придерживая его за ворот окровавленной рубашки. Юрий заметил, что пальцы следователя тоже в крови. Он набрал в грудь воздуха. Пора!..

– Аверх... Профессор Аверх, парторг Музея...

Окровавленная рука отпустила ворот, и Юрий медленно опустился на стул. Голова гудела, кровь текла по лицу, но это было сущей ерундой по сравнению с главным. Поверил?

– Аверх, Аверх... – энкаведист закусил костяшки пальцев, о чем-то размышляя. – Слушай, Орловский, а ты не врешь? Учти, если врешь – я тебя, суку, сгною!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.